

Константин Хабазня

Я состою из людей

Калининград
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5
X 12

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей*

Хабазня, Константин Константинович.

X 12 Я состою из людей : [сборник стихов] / К. К. Хабазня. – Калининград: Страж Балтики, 2023. – 160 с. – 260 экз. – ISBN 978-5-91728-282-4

Книга, которую вы держите в руках, – стихи, написанные автором с 2016 по 2022 года. Тексты разбиты на три части-сборника: «Злость спасает человека», «Голиаф и Большая Медведица», «Как Хорошо». Каждое из слов – «злость», «большая», «хорошо» – пожалуй, отображает ключевое настроение соответствующего сборника. Но пусть читатель подходит к замку со своим собственным ключом. Автор Константин Хабазня – поэт, писатель, автор и руководитель проекта «Поэтическая Бойня», Калининград.

Стихи написаны в оригинальной авторской манере, отражающей свой собственный взгляд автора на поэтическую ритмику.

18+

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5

ISBN 978-5-91728-282-4

© К. К. Хабазня, автор, 2023

ЗЛОСТЬ
СПАСАЕТ
ЧЕЛОВЕКА

Бульдозер

Я научил бульдозер говорить —
Он зарычал, он — ветер в феврале.
Он тигр на неприкаянной земле,
Где холод — брат двоюродный жары.

Я научил бульдозер восклицать —
Без мыслей, без восторгов, без эмоций.
Он туп, он щит, он плавится, он — стронций
В ладони неимущего купца.

Бульдозер научился говорить.
Прекрасный город выстроят другие,
А мы стоим босые и нагие,
Не отличая лампы от зари.

Я научил машину понимать —
Доныне смысл был неуловим,
Но почему-то — голосом моим,
И почему-то — в нём мои слова

Бормочет металлический старик
Рывками фраз, слогов, частями речи —
На струнах незатейливых наречий,
Где шёпот гласных переходит в рык.

Я смог оскал железный разомкнуть.
Он роет землю, он бранится матом,
Он сделает руины свежим садом,
А может быть, наоборот — отнюдь.

Я научил машину голосить,
Узнать себя, выкидывать пожитки,
Бросать людей, но признавать ошибки
И серебро менять на керосин.

Я научил бульдозер говорить —
За просто так, без умысла, без цели.
Хотя и знал, что проржавеют цепи.
Хотя и знал, что двигатель сгорит.

Я знал, что где-то там — за гранью правды —
Где ночь и пустота потёрты дымом —
И потому усилия сравнимы —
Он отдыхал от трассы на заправке.

Он чувствовал, как двигался подшипник,
Как бился слог неразрешимым эхом,
И речь текла свободно, без помехи,
Летели камни с неба на обшивку,

По адресу, в лицо, в кабину — лично —
Заутреней по списанным усопшим,
Мелькали сваи рукотворных сопок
И буквы на штампованных табличках.

Я научил бульдозер говорить —
Так учат новорожденных с пелёнок —
Стирая грязь с коленей раскалённых,
Он звуки превращает в алфавит.

Я бы месяц поджёт
небесный,
О бездомный фонарь опершись,
Зажигалкой из лавочки «Пресса»,
Трёхрублёвой —
как вся моя жизнь.

Я бы ветер гонял кругами.
Я бы ночь провожал и под утро
Наблюдал, как рассвет, насмехаясь,
Поджигает дома перламутром.

Как заря переполненной ношей
Вырастает сиянием слева.
Я бы вытащил звёзды из ножен
И махнул об асфальт поленом —

Вниз,
Горстями,
За шиворот,
В дышло —
Неподъёмный, пустой экскаватор
Запрокинул башку и на крыши
Высыпает агатовый бархат...

Но зачем, но зачем эти лиры?
И, махая гардинами-флагами,
Для чего лето рвётся в квартиру,
И деревья шумят, бедолаги?

* * *

Каждый день мой пусть будет последним.
Пусть дрожит предрассветная мгла.
Я иду через сумрак передней
Без оглядки, без мыслей, стремглав.

Еле вздрогнут железные лапы —
Неуклюжий спускается лифт.
Скалит зубы последняя лампа —
Недобитый, бессонный Сизиф.

Вскрыв консервную банку подъезда
И закрыв на секунду глаза,
Выбрав время — а главное — место,
Где Господь знает каждого пса,

Всех пьянчуг поимённо, в лицо,
Каждый день превращая в пари
Под высоток нестройным кольцом,
На Сион походящим, на Рим...

Пять пятнадцать. Ноябрь. Суббота.
Патрулируют спальный район
Две собаки и ангел свободы —
Мой единственный штурман. Вдвоём,

Посчитав под ногами ступеньки —
Да чего там считать: раз, два, три... —
До ларька, где прощают копейки —
Он горит как маяк изнутри.

От угла до витрин магазина
Я молился ногами, а там
Запах трассы, резины, бензина —
Это ладан, миндаль, фимиам.

Ты уходишь в открытое море —
Там, где тени играют с огнём.
Горький ветер порывист и порист.
Чёрной ночью светлее, чем днём.

Ты уходишь в открытое море,
Где нет места для мыслей и слёз.
Среди крепко прикрученных коек
Ты простой безымянный матрос.

Ты уходишь в открытое море,
Оттолкнувшись от края земли,
От причала, где гул как в соборе
И кипят в пароходах угли.

Ты уходишь в открытое море —
Там, где карты уже не нужны,
Там, где волны — как гребни предгорий —
Неотступны, остры и нежны.

Ты уходишь в открытое море,
Где закон максимально простой:
Затяни крепче тросы к прибою,
Против качки — спустись, выпей сто.

Ты уходишь в открытое море —
В оглушительный, пенистый скит,
Где услышишь, на палубе стоя,
Как в распоротом сердце гремит

Одичалая песня, куплеты —
Ты не сможешь уже отличить
Вой зимы от сияния лета,
Брызги следствий от пепла причин.

Ты уходишь в открытое море,
Где рассветы врастают в причал,
Где запутались нити историй
И смешались восторг и печаль.

Ты уходишь в открытое море,
Где сирен удушающий плач
Острым буром сверлит над подкорке
Между бурей не согнутых мачт.

Ты уходишь в открытое море
По гудку бортового свистка,
Где шторма, насмехаясь над болью,
Дарят розы глубин морякам.

Ты уходишь в открытое море.
И, пока заводился движок,
На карме танцевал рулевой
И штурвал свой соломенный сжёг.

Ты уходишь в открытое море —
Там, где три километра до дна.
Если рифы посудину вспорят,
Под тобой заревёт тишина.

Танцевать под светилом кирпичным
На рассвете в остывшей степи.
Если день будет добрым — отлично.
Если нет — стисни зубы, терпи.

Танцевать под горящим светилом,
Слушать звуки долины в ночи.
Если звери вокруг — действуй силой.
Если нет — стисни зубы, молчи.

Танцевать у огня до рассвета.
Вместе с пеплом оставить в траве
Сонный зов обезумевших предков,
Душный плач одиноких кровей,

Коронованный пылью дорожной
На уступах танцующих скал,
Где луна, отражаясь от кожи,
Прячет сердце в кровавых снегах.

Колыбели дождливые грели
В ожидании ранней зари
Песни леса, сияние прерий.
Если есть, что сказать — говори.

Танцевать под горящим светилом
В час, когда высыхает роса.
Если есть пух и перья — под спину.
Если нет — подстели небеса.

Лижут пятки степные иголки.
За рекой — леденящий оскал —
Там, где воют койоты и волки
Между острых, смеющихся скал.

Танцевать в феврале, в непогоду.
Танцевать в пламенеющий май.
Отдыхай — если выпадет отдых.
Если нет — стисни зубы, шагай.

Танцевать босиком или в шортах —
Всё зависит от времени дня.
Если недруга встретил — «пошёл ты!»
Если друга — согрей у огня.

Танцевать под светилом кирпичным
С барабаном на мокрой спине.
Если день улыбнётся — отлично.
Скалит зубы — отлично вдвойне.

* * *

Злость спасает человека.
Не любовь — как говорят
Люди нынешнего века —
Это мусор всё, ребята.

Злость спасает человека.
Он равнину пересёк,
Он пришёл сюда калекой —
Просто выжить, вот и всё.

Злость спасает человека,
Долго жившего в аду
Из структур и берегов —
Если уж на чистоту.

Злость спасает человека,
Даже если среди ночи —
Фейерверк и взрывы смеха,
А в висках набат стучит.

Злость спасает человека
И — скорее «для», чем «от» —
Богу вовсе не помеха,
А, скорей, наоборот.

С веток походя сбивая
Ледяную мишуру —
Где-то здесь, он понимает,
Он стальной крепёж, шуруп.

Злость спасает человека,
Если вдруг темно в глазах,
А над парком зреет небо
И в оттаявших слезах,

Всё забыв, танцуя в вальсе,
Потерявшись до конца,
Я как пёс дышу на пальцы —
Как бродяга, как пацан.

Злость спасает — время вышло.
Вдруг заплывет горизонт,
Мыслей нет, людей не слышно —
Ты один, ты Робинзон.

Злость спасает на ночь глядя,
Если тени — тут как тут,
По недавно ровной глади
Вдруг волнами побегут,

Если дёрнутся стропила
И качнётся шар земли —
Злость как козырь, как светило
Прячь в кармане, береги.

Злость спасает человека
В острый, сумрачный, слепой —
В тот момент, что даже эхо
Не пошло вперёд с тобой.

Злость спасает человека.
Не любовь — как говорят.
В парке стынут горы снега,
А затем, остыв — горят.

Подняв глаза над монитором,
Откинувшись на подлокотник,
Смотри, как танго над забором
Танцует улица в исподнем,

Как, проворачиваясь, краны
Плетут круги над новостроем —
Искрится сварка тёплой манной,
На перекур уходят трое,

В потухшем доме тихо. Тени
Зависших сбоку на востоке
Привычных будничных сомнений
Оставь — тем более, восторги.

Открой балкон, из недр жакета
Достань и выбрось за перила
С размаху линию сюжета,
Которая не пригодилась —

Что более всего любила
Твоя придирчивая память.
Пройдись по линиям настила
В конец озябшими ногами —

Что в высшей степени обычно.
Смеряя рейку мостовую,
Для пользы мыслимых приличий
Вздыхни, но всё таки — кайфуя.

Ветра запутались в хрущёвках.
Доспех, остыв — увы, не греет.
Забудь про всё. Пошли всех к чёрту.
И возвращайся внутрь скорее.

* * *

Я пришёл из далёких миров.
Я в таких путешествовал далях —
Даже черти в аду не видали,
У негаснущих греясь костров.

Я в таких побывал краях,
Что убрался живым насилу —
Даже боги, трясущие ксивой,
Поднимали свои якоря.

Я шатался в таких городах,
Что иным и в кошмарах не снились —
Даже ангелы смолкли и слились,
Даже в лёд превратилась вода.

А сейчас я стою у двери
В полусонных объятиях ночи.
Два проспекта поодаль бормочут.
Над домами неоновый нимб.

Ровно в девять его выключают:
Это значит — куда-то пора.
Видно, снова дожил до утра,
Оглашённого криками чаек.

Фонари — заместители лун.
Солнце — гость, приходящий извне.
Проигравший свободен вполне:
Он Сизиф, отпустивший валун.

Ты же знал, всё вернув на круги своя,
Что тягаться с тобой мне, конечно, никак.
Мне пора бы понять: под ногами земля,
И ни звезд, ни карт.

Всё вернулось, кардан совершил свой такт —
Ни своих, ни чужих, всё что есть — окно.
У капризного лета в прохладных руках
Спит балтийская ночь.

Эй, мальчишка! Ну где ты, дворовый бой,
Скрытый тяжестью долгих времён пути?
Если в этом урок — я остался собой.
Это значит — один.

Всё вернулось, пластинка играет блюз
Так несносно на струнах чужой души —
Так протяжно, что я, не шутя, боюсь,
Будет вечной жизнь.

Неужели навечно шуметь мостам,
Где итог поделён на кривые троп?
Я хотел, чтобы нет. Я хотел, чтоб проста.
Я хотел бы, чтоб.

Неужели навечно, подумай сам,
В трудном каменном небе служить кому.
А меня отпусти к новорожденным псам —
То есть в вечную тьму,

Где вращается всё на своих. Ещё —
Затухающий синапс, но нечто с ним.
Не хочу быть двумя. Но и всё таки, чёрт —
Не хочу быть одним.

Спасатели

Направо пойдёшь —
Пол дня потеряешь,
Под гребни ныряя,
Царевну спасёшь —

Персей Андромеду.
Налево пойдёшь —
Кроссовки собьёшь.
Есть повод помедлить.

Иду к парапету —
Простой богатырь.
Кидаю монетку:
Направо — лады.

Спасатели молча
Глазеют на пляж —
Мозаику полчищ,
Брусчатку из ляжек,

Из групп, одиночек,
Собак и детей.
Спасатели ночи
Не спят, чтоб глядеть

Без отдыха в оба
С сознанием полным —
Зачем бы и кто бы
Не ринулся в волны.

Спасатель рискует.
Спасатель спасёт —
Царевну какую б
Куда б ни несёт.

Витал ли в любовях
Влюблённый осёл,
Спасателю пофиг —
Спасатель спасёт.

Пирс сказочно длинен.
Рисуется мне он
Пространством былинным.
Направо, налево —

Без разницы, где ты, —
В реальности нет
Различий, а вектор
Укажет монета:

В какую бы даль
Не взмахнул парусами —
Никто никогда
Никого не спасает.

Джек Лондон

Иногда остаётся одна страда,
Дымка льдов, где ни дна,
ни вершин,
ни двери.
И пускай тех бедовых мудрец всегда
Предупреждал,
но Джек не верил.

Ждать столбов милевых, сотни пройденных вёрст
Собирать в вещмешок холстиновый,
Где ты назван никем — и однако живёшь,
Где ты назван никак —
То есть именем,

Каждый день собирая себя по кускам
С голых льдов, добела калёных,
Расскажи им, что знал,
Расскажи им, как
Все пути оказались нелётными,

Как взошли по тебе скалолазами —
Сам ты веры не чаял ни в ком.
Скорее Джек!
Сбрасывай балласт!
Проезжайся по ним катком!

Когда полчища звёзд отправлялись на водопой,
Он сверкал — обнажённой лентой.
Я открою секрет тебе, бог с тобой:
Смерть бывает благословенной.

Снега, снега! Уловленные неводом,
Хоромами горных лагун!
Кроме мерзлого грунта деваться некуда.
Джек!
Пиши набело!
Начинай главу!

Не устраивай крипт из еловых веток!
Не пиши эпитафий:
Жалей их, прощай им —
Тем не знавшим,
как много
нести
человеку
Отчаяния,

Кто не грыз бронированных льдом постромок,
Отбывая бесплодные дни,
Слыша голос внутри черепной коробки:
«Элои! Элои! Ламма савахфани».

Загарпуненный кит шёл в глубинный простор —
Так природа готовилась к лету,
Так стреляли в упор в обессиленных псов
Без сантиментов.

Что же, всадник, заканчивай травлю!
Будь своим всемогуществом сыт!
Подойди и скажи мне правду —
Что я твой нелюбимый сын.

Мне твой голос рекой полноводной:
«Я сгною тебя в этих льдах!»
Ты увидишь мой страх животного
И тоску,
но любовь —
Никогда.

И казались мне льды бумажными —
От позвонка до позвонка.
Джек, пиши,
чтоб не делать дважды —
Без черновика!

Так что небо покамест
разомкнутой скобой
Упирается в горизонт,
Джек,
будь всё таки честен с самим собой —
Каково это — с ветки
Сорванным?

Пусть они твои годы в монету меновую
Превращают —
ты им расскажи
Не о том, как мучительна смерть —
Как мучительна жизнь!

И речные агонии —
Пляску им!
Возвращайся домой бойскаутом —
Через тернии-звёзды Аляски,
Беспредельно,
как ты,
усталые.

Монолог сетевого поэта

Я тогда был гашёный пивом
И вообще не хотелось жить.
Убаюкивал пакостный климат,
Шли не дни, а скорей коллажи —

Коллажи и обрывки ситкомов.
Я смотреть не хотел им в глаза.
Я увидел действительность голой —
Голлумом под образами.

Нет — всё чинно, я начал с беседы.
Я на сцену поднялся — и вот он:
Гулко щёлкавший — как же без этого! —
Микрофон, изолентой обмотанный.

Волшебство: лился хмель по безналу.
Я стоял там как есть — ё-хо-хо! —
Не печатанный в толстых журналах
Или в топовый паблик стихов

Не репостнутый, автор бесхозный,
Сданный сцене на вечер в прокат.
Быть нетрезвым — спасительный козырь,
А выносливость — щит дурака.

Но дурак, не сбежавший от боли —
Та же редкость, что солнце в горсти.
Одного я не выучил в школе:
Только боль помогает расти.

Вот заладили песню рассветы —
Вверх и вниз! Вверх и вниз! День за днём!
В окнах — лапы заснеженных веток,
Обожжённых фонарным огнём.

Их гирлянда, конечно, короче
Гладковыбритых звёзд,
Что за мной
Громоздились тьмой тем, сотней полчищ,
Молчаливой холодной стеной.

Этих полчищ, бегущих ланями,
Шёпот зрел во вселенской тени.
Я на сцене устроил камлание.
Я на сцене бухой — извини.

Над столами блестели улыбки.
Сквозняки — реверансом у штор.
Я вязал свою лесенку лыка,
Я их всех почитал за ничто.

Я уже и не помню той ночи —
Я на сцене стоял в полный рост...
Я всё это к чему — короче,
Не смотри этот стрёмный видос.

* * *

Я состою из людей —
Нет города без деревень —
Они прорастают во мне
Ревенем.

Не знаю, вполне понимаю ли,
Как крепко устроен сам
Из клеток далёкой матери,
Из спермы чужого отца,

Из лёгких людских и сердца.
Затруднительное положение —
Мне вроде бы некуда деться,
Но больно быть их продолжением.

Их кровь неживая, ртутная.
Они мне — что топкое поле
И лишь иногда, на минуту,
Низина у водополя,

Сквозь мышцы мерцают гирляндами,
Растут во мне синие жилы,
И руки, и грудь —
Даже гланды
Чужие.

Я состою из людей —
Их там буреломом навалено.
И суть не в игривой судьбе —
В самом
факте
существования.

И вечер — не мой, и кажется —
Округу наполнив эхом,
Любезен прохожий даже
Совершенно
с другим
человеком.

На мне не мои ботинки,
Машу не своей рукой —
И вот собеседник стих,
Ответствует некто другой.

И капли чужого пота
К предплечьям чужим прижались,
И, может быть, даже свобода —
Чужая.

И, если взаимна ценность,
Больной лишь двойник врача,
И, может быть, я — не целое,
А часть.

Во мне поселились без спроса
Желания их рассудков.
Я сам не могу даже просто
Отсутствовать.

Я состою из частныхей,
И частности эти бессчётны.
Но если и есть в мире счастье,
То чьё-то.

Они продолжают меняться,
Их мысли сочатся сквозь пальцы.
Там нет никаких домочадцев —
Одни скитальцы.

Их — спесь, их — поступки, и скаты
Их плеч — их же стянуты кожей,
И даже в походке угадываются
Прохожие.

И, начиненный людьми,
Я миф их сказаний,
Я даже смотрю на мир
Их глазами,

И даже при солнечном свете
Черты мои — это их лица.
Смогу ли когда-нибудь с этим
Смириться?

ЧИНГИСХАН

Я Чингисхан.
Я скорее апостол,
Чем вождь.
Люди — труха,
Умастившая поступь
Моих подошв.

Я не просто река —
Я источник,
И, если по-честному —
Не синица в руках,
И уж точно
Не журавль небесный.

Я, в устах книжных Шив —
Страх живущих под небом,
Коронованный спесью.
А хотел лишь, чтоб жизнь
Разрасталась вовне,
Разливалась, как есть.

Я Чингисхан —
Властелин побед,
Но ценнее просчёт.
Я учился, искал,
Страх — не полный ответ,
Жизнь есть нечто ещё.

Сотни тысяч людей,
Тьмы народов и толп
Разделились на тех,
Кто нашёл свой удел
За моим щитом...
На моём щите...

Крепость, слабость — терпи.
Тучны, скудны ли дни,
Я искал лишь одно:
Нескудеющий пир.
Но мой праздник они
Называли войной.

Я, испив до конца
Горечь ссор, целований,
Порицаний и славы —
Не чета мудрецам.
Я не верю в слова —
Доспехи
Нужны
Слабым.

Как же всё таки странно,
Что истинно жив,
Близок — тот, кто уходит,
Тот, кто в собственном храме
Простой пассажир —
Пассажир свободен.

Настоящее знамя —
Усилий плоды
На адамовых ранах.
Что ты подлинно знаешь
Про жертву владыки,
Про слёзы тирана?

Мне — что север, что юг,
Во дворцах спал, в хлеву,
Пил сивуху, пил вина.
Я всего лишь пою
Песнь про ярость и бунт —
И она о любви.

Я испробовал яд,
Чтоб увидеть невинность,
Чтоб идею простую
Наконец-то понять —
Ничего, кроме мира,
Больше не существует.

Боги ратных кровей,
Даже вам не отнять
Сердцевину пути,
Мой билет «по escape»
И влекущий меня
Первородный инстинкт.

Принуждаемым бывал,
Но в том нет ничего —
Я хочу жить, играя.
Океан гонит вал
Жизни как таковой —
Я назову его раем.

Поражение — суть
И удел — homo sapiens,
Вот мой главный посыл!
Смерть однажды наступит —
Ты же знаешь, shit happens.
Ну и пусть.
Ну и чёрт с ним. Не ссы.

Сойка, голубь, грач

Пахнет непогодой,
А потом весной,
А потом восходом.
А потом со мной

Говорили птицы:
Перья — образа,
Лоск на них искрится,
Пуговки глаза.

Птицы прилетели,
Сели на балкон,
Песенку запели —
Птичью трель стихованную.

Птицы есть просили:
Сойка — жалким стоном,
Гукал голубь сизый,
Каркал грач капроновый —

Хвост дрожащим листиком —
Куклы на верви,
Лапки — будто спички,
Но настырный вид.

Ах, комки голодные,
Сойка, голубь, грач!
Птица — тварь не лодырная!
Эй, лови подачку!

На балкон кидаю —
Щедрый я порой —
Каши жменю дареную,
Три горсти оброненные.

Но покамест дружба
Птицам не по норову.
Встали полукружием —
Экспертиза корма.

Смотрят с укоризной —
Сойка, голубь, грач —
Лапки всё же к жизни
Повлекли баграчные,

Рабские, живые —
Голод им судьба —
Тянут к зёрнам выи,
Машут головами.

Позабыты песни.
Обступила стачка
Злаковую смесь —
Голубь, сойка, грач —

Перья, клювы — что там,
Не понять уже —
Все по хвост закопаны,
Все в зерне блаженные.

Крошки птичьей пищи
В стороны летят.
В пол стучат и едят
Птичий свой трактат.

То трактат о жизни,
Смерти и зерне.
Мудрость в тоге сизой
Повстречалась мне —

Смотрит с укоризной,
Пуговки глаза.
У обычных птиц
Поучусь сказаниям.

Вот я на экзамене —
Страшно, душно мне,
Но теперь я знаю —
Истина в зерне.

Бремя лётной школы
Мне далось за так.
Я не гордый более —
Ноги наши в такт,

Клювы наши тоже,
Крылья и глаза.
И на птиц похожим
Становлюсь я сам —

Чёрный кочегарин,
Я смотрю назад —
Крылья за плечами,
Пуговки глаза,

Резвые движенья,
Перья — что твой шёлк.
В небе отражение
Я своё нашёл.

Шёрстка — тёплый свитер,
Губы костенеют,
Лёгкий стал, невидимый,
Слышу сзади шелест —

Будто бы далёкий
Шелест без усилия.
Это я — я лётчик,
Расправляю крылья.

Сила незнакомая
Борется со мной.
Подо мной с балкона
Падает зерно.

Флот мой — птица-тройка —
Перья-образа:
Голубь, грач и сойка,
Пуговки глаза.

Так странно

Так странно, что в мёртвых деревьях
Живут возбудители жизни —
Парные, шершавые листья —
Интимно, почти непристойно.

Как будто случайный прохожий
Вдруг вытащит из-под сорочки
Кусок обнаженного тела
И бросит его на асфальт.

И также в моём мёртвом теле —
Умеющем разве что мёрзнуть,
Спешить на автобус и воздух
Глотать, превращая в шаги —

Живут межпланетные коды,
Ростки, отголоски, сигналы,
Что делают мир нереальным
И, значит, всецело моим.

О любви

Любовь — не больше, чем афинский троллинг.
Её на самом деле в мире нет.
Она — сродни тискам фантомной боли,
Сиянию подделанных монет.

Любовь в пробирке, заточившись в горы,
Придумал крайне аморальный тип.
Она затмила тиф, лёд-9, порох —
Страшней заразы в мире не найти.

Любовь (подумай здраво, не бравируй —
Ты сам бывал в той точке поворотной)
Масштабней пандемии зомби-вируса
И смертоносней бомбы водородной.

Атлант

Я жил во тьме и пел во тьме,
И тьма — родная мать мне
(Она палитра, я — постель),
И смерть стелила мне постель.

В окне на верхнем этаже
Так много тьмы, что нет уже
Ни тьмы, ни края ей, ни дна.
Этаж последний — тишина.

Окончен день, окончен труд,
Лист жести ухал на ветру,
Лежало небо на плечах,
И падал дождь,
И бог молчал.

И только головы домов
Склонились над кромешной тьмой.
И лишь седые небеса
Роняли ночь в мои глаза —

Из ночи в ночь, из тьмы во тьму.
Что мне здесь делать, не пойму?
Зачем рождён и кем зачат?
Зачем мне небо на плечах?

Бегут по крышам провода,
Их сети — ближе, горло сдавливая,
Минут тяжёлые шаги
Страшны, как есть —
Как есть, наги.

Я вижу капли за окном,
Затихли птицы, и вверх дном
Лёг двор внизу, а я живу —
Зачем живу я? Почему?

И люди превратились в тени,
В раздел «контакты», и сейчас
Я знаю, что на самом деле
Мой телефон всю жизнь молчал.

Тьма заползала в глотку мне,
Она мешала мне дышать.
Я шёл, но замедлялся шаг,
И был тяжёл, и вяз во тьме.

Заполнив полости предсердий,
Тьма проникала в кости, ткани —
Так небо лезло в окна серыми,
Своими грязными руками.

Тьма целовала мне ладони,
Она хотела мне сказать,
Что жизнь — пустое, жизнь — не стоит,
Что двигаться необязательно.

О если б только слово — ладно бы.
Но нежность — тяжесть всех столетий,
Доныне не были так ласковы
Со мною женщины на свете.

О царство тьмы — куда ни ткни!
И звёздам тьму короновать!
Где вы, прочитанные книги?
Где вы, стихов моих слова?

Пуškai я рельс чугунный, жил
Моих узлы прочнее стен —
Я не хотел бы пережить
Ещё один такой же день.

Смрад, воздух жёванный кожух,
И нет груди — но я дышу,
И нет пути — есть этажи,
И тошно жить — но надо жить.

Стеглянна тьма, стеклянный войлок
Небес, за ним стеклянный шелест —
Осколки полоснули шею,
И кровь — разорванной плевой.

Осколки, шея, кровь бы ладно,
И бог с ней с жестью в лапах ветра —
Я перестану быть атлантом.
Я лучше буду человеком.

* * *

Вячеслав Афанасьевич умер.
Полицейский курил у подъезда.
Корвалол расплескался по тумбе.
Санитар развалился на кресле.

Вячеслав Афанасьевич — боцман,
Плыл в последний круиз на постели.
Две соседки судачили: «Скотство!
Не дождался старик юбилея.»

Он юнцом — понимал всё на свете,
А сейчас — боже, кто его знает! —
То ли черти сажают на вертел,
То ли тихо в раю отдыхает.

Вячеслав Афанасьевич умер.
Отрубил всё как надо — по полной.
Дочка плачет, и падают слюни
На полоски скрипучие пола.

Вячеслав Афанасьевич умер.
Отказала последняя почка.
Медэксперт призадумался, плюнул
И поставил под подписью точку,

Стоя с кислой гримасой над телом.
Замурованный в душную кожу,
Вячеслав Афанасьевич — в белом
На носилках лежал новорожденный.

В пробке

Едем на такси. Апрель. Плюс двадцать.
Насмерть встал весь Ленинский проспект.
Рядом жуткий вой реанимации —
Рядом умирает человек.

Жизнь полна, бесперебойна занятость,
Свежая листва глазеет с веток.
Рядом песня жизни исчезающей,
Голоса прощаний с человеком.

Несмотря на выслуги с чинами,
Всё таки я беззаветно верю:
Каждый день я снова начинаюсь —
Знаешь, такова природа времени.

Снова вижу солнце, просыпаясь,
Наблюдаю зрелища, ем хлеб.
За окном мигалка надрывается —
Рядом умирает человек.

Друг же мой, давай без драм и ропота,
Ведь сентиментальность — тоже ложь.
Так — однажды где-то в полдень, в пробке
Ты и сам на Ленинском умрёшь.

Скоро и тебя в конце апреля
Солнечным проспектом повезут
С матерной симфонией похмельной,
Что процедят фельдшера сквозь зубы.

Будут также облака клубиться,
Каждая секунда — весом в час —
Станет острой, равнодушной бритвой,
Но пока ты здесь, пока сейчас.

Так что ты теперь с двукратной силой,
Так что будь удвоенно живей —
Время лишь замешкавший посыльный,
Ты его не жди, в него не верь.

Ты смекаешь: на пороге рая —
Стоя в душной пробке как калека! —
Ты ведь тоже, тоже умираешь,
Ты ведь тоже, тоже человек.

Рига в снегу

Видишь, Рига в снегу.
Я пинаю ледышки.
Таксисты, откинувшись, спят.
Объяснить не смогу,
Я не знаю, так вышло:
Я еду второй день подряд.

Вокруг ни души.
Мне бы кофе (да срочно!)
На улицах этих найти.
На вокзальных дрожит
«Шесть», а если быть точным —
Кольшется «без двадцати».

Рассветная ясность,
Готовясь к атаке,
Послала в разведку ветра.
Стучусь в экспресс-кассу,
В окошко «Магдака» —
Как в город небесный, как в храм.

Но это не важно:
Бумажка «Закрыто» —
По-русски, и парень, как тень,
С табличкой «Пол Влажный»,
Со щёткой, побритый,
Простой начинает свой день.

Насквозь — до ногтей,
До истоков, где жилы,
В ботинки впивается лёд.
Асфальт, как елей,
Как пластинку винила,
Задумчивый дворник скребёт.

Стекланную пыль
От камней оттирая
Снаружи, с боков, изнутри,
Возьми свой костыль
И его острым краем
Дорожную спячку сотри.

Эй, где я, скажи мне?
А, впрочем, не важно —
До рейса ещё три часа.
Походкой не зимней
Скорее, а пляжной,
Зевая, щеку почесав,

Пора возвращаться:
Гулять здесь день целый
И если б хотел — не могу.
Смотри: «восемь двадцать»,
Вот Pragas iela,
И Рига — вся Рига в снегу.

Аня, найди мне бабу —
Мягкую как зефир,
Пышную, но не похабну-
Ю, ноги сфотографир-

Уй и пришли смс-кой.
Я тебе «Ууу...» или «Ааах!»
Если в груди станет тесно —
Ну и в других местах —

Аня, шли мне её номер.
Я позвоню... И к утру
Ты мне напишешь: «Не помер?»
Я тебе: «Ань, баба тру!»

Аня, найди мне бабу
С милым, смазливym лицом.
Ты это сделать смогла бы —
Ты знаешь всех подлецов,

В городе этом дурацком
Блиzkих твоих — пруд пруди.
Только без четверти двадцать —
Бабу мне, бабу найди!

Аня, найди мне бабу.
Нет — не гулять, не кино —
Аня, все эти ухабы
Любви стали ямой давно.

Аня, не надо Юнга!
Аня, не надо эссе!
Бабу дородную с юга,
Ладно, «Балтон» — нет, шоссе

Это уж слишком. Послушай,
Ты со всем миром в ладу:
Знаешь слова — те, что в уши
Точно — как ключик — войдут.

Аня, найди мне кого-то.
Что ты мне в трубку «хи-хи»?!
Да, в восемь тридцать работа...
Да, ты прислала стихи...

Аня, скажи этой бабе,
Хватит на карте нулей.
Я буду ждать в «нашем» пабе.
Ань, приезжай поскорей.

* * *

Я шагаю down the street.
Солнце больше не горит.
Сброшен путевой режим.
Я тяжёлый пассажир.

После жаркого денька
Само то — глотнуть пивка!
Тихо. Переулки. Центр.
Я тяжёлый пациент.

Отдохну на полпути.
Лягу навзничь в палисадник.
Больше некуда идти.
Больше не о чем писать.

Если есть на свете бог,
То хорош он или плох?
И зачем дана мне жизнь?
Эй, податель, покажись!

В баре бьются кружки с пивом!
Надрывается колонка!
Не умею в половину —
Я страдаю очень громко.

Ангелок в полнеба жидкий,
В половинке ада черти.
Как же в падлу жить в полжизни!
В падлу умирать в пол смерти!

Вседержитель, на, держи:
Вскрыт нарыв, пусть льётся жидкость,
Заливает всё подряд —
Это сладость или яд?

* * *

Мы поладили, да — но я знаю,
Отдыхая в соседней стране,
Ты, поймав три минуты вай-фая,
Нервно пишешь «ВКонтакте» не мне.

Я куплю тебе всё абсолютно.
Я хочу, чтоб ты стала звезда —
Лишь бы в городе этом уютном
Не увидеть тебя никогда.

Мы настолько похожи — мне страшно,
Что, когда околею — потом,
Нам хлебать одной лоханью кашу,
Нам делить умывальник и стол.

Херувим попадётся упрямый
И пропишет в одно захолустье.
Я надеюсь, сработает рама.
Я надеюсь, меня не пропустят.

Я боюсь, что, играя с всевышним,
Разложив флэш рояль на столе,
Буду вечно, отчётливо слышать,
Как ты пишешь
и пишешь
не мне.

Приди за мной С ЗОНТОМ

Приди за мной с зонтом —
Я без него не выживу.
На улице потоп,
Вода стеклянной вышивкой.

Шли с нарочным сюда его —
Пусть принесёт в обнимку.
Стою на Чаадаева,
А топтать на «Дзержинку».

Возьми ко мне такси —
Вокруг дожди безбрежные,
И даже здесь сквозит —
Под козырьком у «брежневки».

Я есть хочу, и спать хочу,
И сигареты кончились.
Шаги страшат как дверь к врачу.
Борзые псины гончие,

С беспечностью халатной
Несутся тучи, маятник
Небес литой обратно
Стучится в двери памяти.

Считаю этажи.
Потух в ожившей жиже
Сигнал 4G.
Я Ной, ковчеге мыши.

Грустит мусоропровод.
Под запах из шашлычной
Танцуют кошки — словом,
Всё в норме, как обычно.

В прокуренных подъездах
Созрели гроздьё эха.
Спит нарочный. На место
Водитель не приехал.

Не сложится свидания
И вымокнут пожитки.
Стою на Чаадаева.
А топать до «Дзержинки».

Пятнадцать минут до работы —
И можно ещё постоять.
Восьмое апреля. Суббота.
И кофе за семьдесят пять.

Побольше стаканчик налей мне! —
Монеты на стойку колечком.
Постою на мосту «Юбилейном»,
Глазея на тёмную речку.

На реке катера,
На перилах замок —
Чтоб никто не украл,
Чтоб никто не смог

Вскрыть любовь — как сейф —
Между женщиной и мужчиной.
Евгения и Алексей —
Первая годовщина.

Вместе и навсегда
Решили на счастье обречь они.
И чёрное золото кипит как вода
В желудке моём и в печени.

Попивают туристы вино —
Денег не жаль им.
Отворённое настежь окно
Моег горожанин.

На скамейках цитаты классиков,
Смеркается,
Катера — карасиками,
Вода расступается.

До работы пятнадцать минут,
А потом на запад —
Пива возьму
Да врублю Black Sabbath.

* * *

В баре жарко как в котельной.
Клён склонил, братаясь, ветку.
Если жить — то в понедельник.
Если сдохнуть — лучше в среду.

Контролёром на конечной
Вечер в бок стучит клюкой.
Если путь — то лучше млечный,
Впрочем — мне сойдёт любой.

Скатерть куполом надута —
Вездесущим сквозняком.
Если сердце — значит трудно,
Так что дальше без него.

По углам скребутся тени.
В джинсах звякают монеты.
Если жить — то нужно денег.
Если сдохнуть — можно бедным.

* * *

Мне приснилось: в храме пусто.
Вечерело, или днём.
Вместо Господа Иисуса
Я висел над алтарём.

Под шатром древесных срубов
Я искал слова молитвы,
Но как выбитые зубы
Буквы падали на плиты.

Песни гимнов отзвучали,
Стих литаний частокол.
Из меня шипы торчали.
И сочилась кровь на пол.

* * *

Чёрт!
Я забыл — проклятие —
Без чего не выжить:
Карандаш преподавателю
Как спортсмену лыжи,

Как в тайге унты.
Дверь ногой в сторону —
Возвращаюсь походкой лунной
По ковру коридора.

Я забыл значительное —
Без чего не выжить:
Карандаш учителю
Как нора мыши.

Чёрт!
Я забыл главное
У двери на полке —
Мощь времён, равную
Графитовой иголке.

Чёрт!
Я забыл главное,
Значительное —
Листки ладно бы,
Карандаш — мучительно.

Я забыл сны в радуге
Исковерканной —
Где в парадном окурки и хлам в дуге
Эркера.

Ухнет мартовский смог
Совами.
Недовольный тревожу замок
Снова.

Я забыл главное,
Из окна выпал —
Не того, что в хрущёвке в ванную,
Где в пост рыбой

Пахнет... И синие ветки
Этажей — бесспорно...
Гордое «да», «нет» —
Покорное.

У двери с ключём
Стою — как со шпателем.
Кто научит —
Чёрт —
Преподавателя.

Вспомнить немислимо, сколько
Раз созерцал наяву я:
Бог со сверкающим кольцом
Близко подходит, вплотную.

Я понимаю, что нужно.
Я понимаю — черта.
Был я царём, был я служкой,
Но не нашёл ни черта.

Я понимаю, что должен,
Видя, как льётся в ночи
Свет от божественной кожи —
Платье жемчужной парчи.

Я понимаю, что надо.
Я понимаю — пора.
Волосы бога — каскадом.
Нимб — в сотню тысяч карат.

Бог улыбается. Скулы —
Волнами. Сцена без слов.
Только бездонное дуло
Мне упирается в лоб.

Вспомнив страницы Стейнбека,
Я повторяю урок.
Господи, будь человеком.
Просто нажми на курок.

Медитация

Мне так захотелось
Сорвать с себя тела
Тяжёлый глянец —
Пускай валяется

На полу под кроватью
Атласным костюмом,
Сверкающим платиной,
Погонными дюймами.

А я буду лёгкой
Бельевой верёвкой —

Столь лёгкой, сколь латанной —
Летящей на Запад
Полуденной лапой
Весенних пассатов.

Груде податливо-тестовой —
Бездействовать!

Сорвать своё тело,
Пока высыхает роса,
Пока то и дело
Дома открывают глаза —

А я и глаза свои белые,
Прохладных оттенков стальных
Начерно выкину с телом —
Между делом
Со всем остальным.

Сорвать тело кителем —
Действительно!

Что может быть проще,
Чем стать невесомой рощей —
Шелестящей, ропщущей —
Тёплым лиственным свитером

Без начала и окончания
И птицам посадочной —
Так, в вагонах качаясь
Спальных за полночь,

Пассажиры летят сквозь леса,
Им снятся миры вне времени,
Сменяются «Южные» «Северными» —
Пыльцой на стеклянных глазах.

Я скульптор, а тело — мой слепок.
Хрустальное близится лето,
И город домами-тумбами,
Бетонной грядой поднимается —
Я остов его арматуры,
Пусть ветер в костях моих мается.

Сбросить тяжёлое тело —
Разделять
По рукам, по ногам и прочее —
Так робу бросает рабочий.

Танцуй над домами, ветер —
Закругляй деревца дужками.
И люди, и боги, и все на свете —
Вернусь, когда посчитаю нужным.

ГОЛИАФ
И
БОЛЬШАЯ
МЕДВЕДИЦА

Голиаф и Большая Медведица

Всадники Апокалипсиса —
Бродвейское шоу
Голиаф ругается —
Никуда не хотел, но везде пришёл
Лошади пили из лужи
У них незавидная служба
Сидит взаперти
Большая Медведица в моей малой груди

Большая Медведица тихонько сидит и плачет
Она говорит, что я её запер, и поэтому я палач
А иначе зачем же ещё запирасть — говорит — изнутри
Медведиц больших
Говори! — говорит — говори!

А я совершенно не представляю, что ей сказать
Я столько слов за зря пережёвываю за́ день
Я говорю: совершенно не знаю, сидишь себе — и сиди
Большая Медведица в моей малой груди

Я говорю: совершенно не знаю — так есть и всё
Допустим, в дремучих пролесках
ты плутала б дорожкой просёлочной
Плутаешь-плутаешь, а толку — ни менее, ни более
Я тогда плюну, деревья смахну, и опа — открытое поле

Допустим, была бы без вёсти пропавший солдат
Пропал вот, исчез, пустота, испарился, сгинул
А я
Моя дорогая Медведица, тогда
Я
твоя
братская могила

Во мне отражаются звёзды — одна за другой
Куда ни плюнь, куда ни стремись, куда ни иди
И вот — мы плывём в океане неба вдвоём с тобой
Большая Медведица в моей малой груди

В моём городе — это не то, что творится в твоих небесах
Здесь так мало места, люди как будто бы взаперти
Здесь люди-кузнечики скачут друг к другу в глаза
И носят
Друг друга
В груди

И ты уж прости меня, старого доходягу
Живу как живётся, иду как умею идти
Если хочешь — укутаю в одеяльце, чтоб было мягко
Тебя — Большая Медведица в моей малой груди

Идёт товарняк, под ногами — его вибрации
Доходят до самых мозгов — а куда им ещё идти
Небо расчистилось — приём-приём — оживает рация
Приём-приём — Большая Медведица в моей малой груди

Каштановы кроны — воздушные шарики на ниточках-якорях
Стоп-кадр Апокалипсис, история погоды
Голиаф догоняет историю, история догоняет меня
Меня и Большую Медведицу в моей малой груди

Большая Медведица шепчет мне: стоп велеречивость
Слушай простые вещи, растающие озимыми в чернозём
Растающие настолько, что отныне едва различимы:
Будь верным себе, ну а дальше уж как повезёт

Я слышал — у вас в небесах нет ни меры, ни веса
А нам-то здесь мучиться — совершенно другое дело
Нам-то здесь мучиться в этих шурищах одноместных
Я слышал, что люди зачем-то зовут их телом

Что, моя маленькая Большая Медведица
Скучно, небось, висеть тебе якорем в небесах
Ни метеосводок, ни прочих полезных сведений
Всё пусто настолько, что даже б и Голиаф зассал

Так что слушай, Медведица моя маленькая Большая
Рули-ка сюда и кончай уже там взаперти салонной
Я надую каштановы кроны воздушными шариками
Они будут висеть на ниточках — серых, стволóвых

Дофамин

Вот она — комната, где я выжигал дофамин
Я ходил по себе как по звёздному полю мин
Я открыл там финальную формулу счастья:
Делай, что хочешь, но главное — не возвращайся

Появлялись различные люди: печальные, радостные
Но потом, так бывает — эффект рессоры
На меня, если честно, им было насрать
Вопрос:
так зачем
быть
второго
сорта?

Белые стены комнаты — голая земля
Злакоблочная, плодоносящая поросль сёрвая
Время не движется — лучше сказать оголяется
И оголяясь вытягивается посадочной полосой

Пристегните ремни, дальше вы как-нибудь сами
Поют во дворе на ветру алыча и осока
Колыбельную многоквартирному зданию
Алыча большая-большая, осока высокая-высокая

Солнце — горячий оранжевый мячик
Скачет по крышам: прыг-скок, прыг-скок
Мячик перед глазами бельмом маячит
Маячить
мячику
сколько?

Пока ночь не настигнет прыжком электрической лампы
Томаса Эдисона накалившейся парчой
Движениями мягкими-мягкими, плавными-плавными
Электрическая парча нынче по чём?

Птички в тополях свили тайные гнёзда
Качаются на ветвях — вей, ветерок, вей
Выкатывай звёзд ветряную оспу
Глазеть, как болтается на ржавой пружинке дверь

Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда
Стук-стук, стук-стук, бом-бом, бом-бом
Натянулись аксонов голодные провода
Лето конструктор лего, лето разборное

Шрифт неразборчивый, пружинка ржавая
На балконе поселилась голубиная семья
Цокает ножками — жалобная-жалобная
Голубь — цок-цок, кошечка — мяу-мяу

В комнату с дофамином меня спровадив
Комната невесомая, лёгкая как крыла серафима
Я знал два правила: четыре есть дважды два —
И если играть, то da capo al fine

А оказалось не так, da capo al fine
Летит сквозь меня и становитсядохлым номером
Дважды два — в комнате тлеющий дофамин
Дофамин побудь со мной, побудь со мной

Дважды два — тик-так — скоро кончится лето
Я столько плыл, ноги стираются ноевы
Ноги ветошь
Голубь с оливковой веточкой
Я покончил с гетто
Гетто покончило со мной

Я из этих хором срулить не зассал
Я не поп елейный, не кукарекающая родня
Я молчанием стольких людей спасал
Кто
теперь
спасёт
меня?

Давай-давай, молчаливый Мюнхгаузен
Со дна нечистот поднимайся за волосы
Не молчанием, так голосом
По закону пропорции
Не смирением, так борзостью
Чем больше порядка — тем больше хаоса

Чем больше порядка — быстрее движение броуновское
Между линий блокнота — стыдливые записи-обнажения
Как поётся в той песне: It isn't right, поре
Блаженство
не есть
ублажение

Комнату с дофамином я вижу как есть такую
Не в пример несущим утопий стоптанный бред
Правила наше всё, правила, конечно же, существуют
Правила существуют, чтобы понять, что их нет

Вот она — комната, где равняться — не значит быть равными
Если есть хоть какой-нибудь выбор — ни за что не скажу ни слова
Выбор номер один — всё время быть правым
Выбор номер два —
от правды
бывает
фигово

Вот она — комната, где отныне я жгу дофамин
Я хожу по себе как по звёздному полю мин
Открываю финальную формулу счастья:
Делай, что хочешь, но главное — не возвращайся

Паника

Ветер веточкой в листиках роется
Хочется-колется наждак-трава
Паника придёт и обязательно накроет
Накроет напрочь, скажу я вам

Бегство светиловое бездетно
Стынь-стынь дорожной развязки калач
Лето раздето
Я Галлея комета
За мной линии электропередач

Город исхожен и всё-таки девствен
Не давая — не жди, не спасая — не сохраняй
Лето раздето
Я невесомое нетто
Здравствуй, беги, накрывай меня

Накрывай тёплым веером, войлочным, некайфовым
Так в домах выключают свет — щёлк — на раз-два
Мы с тобой по любви, я тебе не скажу ни слова
Для тебя я вообще позабуду слова

Голоса-голоса тёмного моря
Море плещется подо мной, плещется ли?
По тёмному морю
На тёмном просторе
Плывут корабли
Какое же горе

Послушай звоночки, деревья кивают кронами
Слушай-слушай завидущие голоса
Паника накроет
Одеялом ровным
Узами кровными
Даже дома закрывают глаза

Всё так, как есть, и никак иначе
Всё так, как есть, я стакан одноразовый
Уходи в уголочек поплачь там, поплачь им
Притворись перемешанными пазлами

Асфальт — оскомина, я тяжёлое брутто
Ну что ж, предположим, вот в этой парадной
Всё может закончиться ежеминутно
Мгновение кратко
Ничего не поделывать, братко

Свет чист как дыхание пьяницы
Лето раздето
А я комета
Полюса меняются
Ежеминутно
Асфальт тяжёлое брутто
Я невесомое «где-то»

Вот закон исключённого третьего
Прошлое будущее — первые два
Настигнуть и отыметь его
Лето раздето
Я комета
Хочется-колется наждак-трава

Что же ты делаешь, хромый и хворый
Асфальтный автомобильный клич
Обязательно нарисуйте мне светофоры
Я без них упаду навзничь

Вот она, чистая невесомость момента
Прошлое-будущее — всего лишь пустые слова
Лето раздето
А я Галлея комета
Накрывай, моя сладкая, накрывай

В альфа-состе

На Альфа Центавре завис в альфа-состе
Меня протащило по самые уши
Таксист корчит отличного парня, на язык он острый
Таксист корчит, но я не обязан слушать

На Альфа Центавре завис в альфа-состе
Меня протащило — устали идти часы
Неужели я только лишь кожа да кости
Серотонин, эндорфин, дофамин и окситоцин

Неужели я попросту функция, мозга посыльный
Да и вы все функции — фобий, гормонов и денег
Счастливых концов, роли отца, матери, дочери, сына
Кофе с утра, маркетинговых убеждений

Разрешения дисплеев, сожжённых калорий, правильных фудов
Жить в мире не просто — любой сигнал имеет помехи
Жить в мире не просто — но я не хочу быть функцией
Я хочу быть человеком

Вы функции нежности, сладких улыбок, сетевого постинга
Быть кем-то любимым, быть кем-то желанным
Вы функции интеллектуальных и нравственных ГОСТов
И планов... всеобъемлющих творческих планов

Вопросы, амбиции, из грязи в князи, из header'а в footer
Жить в мире не просто — каждый запрягает свою телегу
А я не хочу в телегу, я не хочу быть функцией
Я хочу быть человеком

На Альфа Центавре завис в альфа-состе
На Альфа Центавре завис, но не выпал
Свобода — не в парке прогулочный мостик
Свобода — это трудный и временами мучительный выбор

Куда и зачем меня на коротких частотах носит
Получаю и трачу энергию, тянется время дня
Подвигаются плиты высших нервных отделов, вращаются оси
Меня нет
а есть
выжигание
меня

Таксист, как обычно, нагреет, отсчитывая сдачу
Хрупкое время суток — закат переходит в начало дня
Я не верю в любовь, но это, конечно же, не значит
Что любовь не верит в меня

Завис в альфа-состе — меня тащит по самые уши
Весь мир — это просто клубок лабиринтов дорожных
Обсессивное гетто говорит, но я не обязан слушать
Я не обязан слушать ложь

Завис в альфа-состе — торчу там по самые уши
За гранью слов, чисел и знаков, идей и понятий
Обсессивное гетто говорит, но я не обязан слушать
И уж тем более подчиняться

Таксист, как обычно, нагреет, отсчитывая сдачу
Нагреет по мелочи — на 23 рубля
Я вдруг понимаю, захлопывая дверцу тачки
Времени не существует, зато существую я

Что-нибудь в этом духе сказал бы Конфуций
В альфа-состе зависнув на Фудзи, на ветру качаются ветки
Да, я не Конфуций
Но я не хочу быть функцией
Я хочу быть человеком

Нервы-пропеллеры

Нервы-пропеллеры

лопасти вертолётного винта

Я вдребезги, в пух, в перья

успокойся, считай до ста

По капле тонну:

одна, две...

И так далее, девяносто девять, сто

душно в самом себе

Я стал прямоходящим — встал и пошёл

Прямохождение не для всех одинаково хорошо

Я открываю глаза и вижу далёко-далёко

Не всем видеть полезно, иным видеть — плохо

Смотрящие выросли и стали прямоходящими

Прямоходящие смотрящие расфасованы в ящики

Кап-кап, топ-топ — шагают-стучат по трубе

А мне душно в ящичке, мне душно в самом себе

Нервы-пропеллеры — лопасти вертолётного винта

В черепной коробке парад планет и предпраздничная суета

В черепной коробке мыслишки-посыльные прыгают-бегают

Привет, черепная коробка, мне душно в самой тебе

Вскрыть бы её и выпотрошить, спечь яблочками глаза

Отловить мыслишек-людишек — и пинка им под зад

Транзитным людишкам-мыслишкам,

скребущим с изнанки макушку

В моей черепушке

мыслишек гробике

в моей черепной коробке

душно

А в груди моей нервы-пропеллеры ещё хуже
Моя грудь поднимается морем из, всего лишь казалось бы, лужи
И сердце таранит ворота, сознание глушит баклушей
В лёгочных парусах дыхание атлетовое
но в моей грудной клетке
душно

Вскрыть бы её и выпустить нервы наружу
Пусть вырастут деревом, мозговой орех — семечко кружевное
Из него прорастают аксоны и мысли-людишки-листочки
И осень не властна над ними, скучает в канавах сточных

Иди-крутись солнечной завитушкой бейся об лёд небес
Так рыбы считают минуты до смерти, однажды почувяв бедствие
Душно им в речке как в ящичке, и вот, духотой, опалён
Бьётся людишек-мыслишек-рыбёшек косяк об лёд

Нервы-пропеллеры, успокойся, считай до ста
Кто досчитал, тот летит — и совесть его чиста
Птички — чив-чив, дождик — кап-кап — по трубе
Душно
даже вселенной
в самой себе

Вскрыть бы её и выпустить нервы наружу
Пусть вырастут деревом, в небе деревьям не душно
Пусть вырастут дружно: мозг — корневой орех
Пусть вырастут
и растут-растут только вверх

Вот ты, допустим, вырос большой и сильный
Как бог. Бог вот возьмёт и пришьёт себе крылья
И куда б ни летел, скольким планетам не дал бы разбег
Душно
и богу
в самом
себе

Некуда деться, всё душно, труба-катастрофа
Душно в себе самих стихотворным строфам
Что же мне делать, не смотрят в зубы дарёной тайне
Но сердцу ведь не прикажешь
    душно и даже
        слов в языках не хватает

Тогда, может быть, перейдём на жесты
А жестов не хватит — устроим шествие
Шествие множится, клеточка на двое делится
Переходим на действия

От действий потом перейдём к изнанке
К изнанке всего, что мы видим, и слышим, и знаем
Вывернем наизнанку изнанку, черепную коробку, грудную клетку
Вселенную, бога, слова и лёгкие — парусом, мёбиусовой лентой

Нервы-пропеллеры вывернем наизнанку и спрячем
Душно в самом себе — пора пороть горячку
Лопасть винта вертолёт — стоп-машина, обратный ход
Пусть мозг корневилкой растёт и проткнёт небосвод

Что делать, взлететь бы, поспеть, быть и там, и здесь
Закрыть уши
    не слушать
        душные
            песни

Слова бы рассыпать и богом шагать через горы
Рассыпать мыслишек-людишек дорожной росой за ворот

Мыслишки-людишки перхоть
мыслишки-людишки воры
Только и ждут, чтобы вывернуть нервы
причитают «вот бы!»
Украсть бы себя за ворота небесного ложа
Спустить по трубе
душно мне в черепе
душно мне в коже
душно в самом себе

И тьма на земле от часа шестого до девятого часа
И ожили мёртвые, смертью в утробах гробов зачатые
Кровь текла — бесноватые звери
бились в скалы могильных плит
потому что все прочие двери
закрыты

Если был бы я смертный мясистый, спесивый мерин
Смерть была бы благословением, смерть была бы мерилом
Я бы знал: вот она дверь, жить легко, умереть — пожалуйста
Жизнь — небес блаженнее
смерть — зачатая в теле
но на самом деле
есть лишь два отражения
одного пожара

Дённице душно на небесах зависать бриллиантовой тушкой
Посторожите место! — шепчет на ушко звёздам-подружкам
Я покамест на цыпочках сверху
по водосточной трубе
Душно
и ангелу света в самом себе

Милосердие и закон сохранения

Иисус, я тебя редко о чём-то просил
Но сейчас в этой стрёмной глуши в три ночи
Выпито всё, что налито
    пусть мне хватит налика
        вызвать такси
И пусть интернет не кончится

Иисус, я в три ночи совершенно не в форме
Мимо касс, без сети, без связи, вне времени я
Всё, что я знал до этого, укладывалось в две формулы:
Если истина — чистая, если закон — обязательно сохранения

Чистая истина — весом, приняли-сдали
И руины империй с течением лет мироточат
И алмазы, прося подаяний у стен мироздания
Истираются, но закон сохранения абсолютно прочен

Закон сохранения — на худой конец — худой, но кусок
В чёрный год чёрный кот, вместо силоса — высохший дёрн
Закон сохранения — благовоние фимиама, он слаще сока
Иисус, да приидет зарплата, с небес да придёт

Да летит же зарплата на счёт, да придёт — да приидет
В заднем кармане милосердие отзовется бумажным хрустом
Извини, Иисус, я сегодня — как есть, не на иврите
Я на чистом и не очень цензурном русском

Иисус, да придёт, да приидет зарплата
Да приидет зарплата, а иначе конец
Если деньги в кармане – худо-бедно подлатан
А иначе латаный-шитый
    и весьма паршиво
        если денег в кармане нет

Не то, чтобы казни египетские грозами грозными
Просто тополь шумит, просто осень дождливая сердится
Осень дождливая хмурится, у меня возникает вопрос
Есть или нет милосердие?

Я этим вопросом будто врасплох пойманный
Альбомная бабочка, деревяшка, попавшая под наждак
Милосердие, кажется, это... милосердие, по-моему
То, что остаётся, когда нечего больше ждать

И падают латы заплатами, и блюдец доспеха бьётся
Я в поле не воин один, но больше нет даже тревог
Милосердие, по-моему, — это то, что остаётся
Когда

не остаётся
ничего

Империи рухнули, и с ними закон сохранения
Я всегда говорил и в три ночи готов повторить
В числе самых первых из всех тоталитарных империй —
Сладкая диктатура, живущая у меня внутри

Я там король и судья — ну и прочее всё остальное
Я там царь-фараон, полноправный всевластный владыка
Милосердие — бог с ним. Вот, что меня беспокоит:
Диктатура внутри — сквозная, огромная дырка

И дело, конечно же, не в зависшей зарплате
Да придёт — да придет десятая египетская казнь:
В себе обнаружить дыру, на неё не налезут латы
Заплаты негде ставить, яблоку негде упасть

С зарплатой — залатан, а если серьёзно
Ни лат, ни доспехов не сыщешь для этой огромной дыры
Сквозь неё и пространство, и время, и звёзды
Сочатся сквозь тело струёй дождевой воды

Десятая-то казнь — самая прекрасная и ужасная
Яблоко падает, светафоровый свет невменяем
Весь мир без препятствий сочтётся за спину
Сквозь дырку
внутри
меня

Разрывай меня, падай, растаскивая кусками
Я нем

я сияние утра, шум парка, копеечный в цену
Империи рухнули, чистые истины канули
А я остался — девять десятых и всё же ноль целых

Отпуская, падай. Отпуская, падай
Прыгай по ходу движения, не задерживайся на пристани
Игра интереснее выигрыша, мат — кульминация партии
В мáраной партии — средоточие чистой истины

Чистая истина — истина кристально чистая
Вычищенная, ни разу не пойманная с поличным
Настолько чистая, что жизнь рассыпается числами
Настолько чистая
что жизнь
вторична

А я всё, глупец, сохранял-батрачил
А я-то глупец...
скучно
кристально
пытка!

Бог с ним!
Теперь проживу для избытка
Бог с ним!
Теперь проживу растрчивая

Иди сквозь меня, эта партия кончится матом
Я сентябрьское яблоко, время — дамоклова пасть
Вот оно милосердие: отпуская, падай
Вот она десятая египетская казнь

Давид

Со мной никогда ничего не случится —
Пел Давид, на заре открывая глаза —
Наплевать на Исход, Бытие и Числа
Мне не нужны небеса

Краше скиний и синагог —
цветники полян
И пусть небеса, задыхаясь, скорбят
Я не знаю, кто такой бог
я просто благословляю
Сам себя

Я не знаю, что сделали вы бы
Лицом к лицу с собой — кому платили бы дань
Я не знаю, кто такой бог
я просто делаю выбор:
Я
не обязан
страдать

В чём спасение? Мне не нужны небеса
Хоть под ножки мне их положи
Я не знаю, кто такой бог
я просто хочу сказать:
Славься, жизнь

И песни мои — из утробы вселенского лона
И семя моё — океан у подножия мыса
Я живой
я в устах дочерей Сиона
В различных смыслах

Так что даже если я сею и строю
Даже если выигрываю бой
Я не хочу быть царём, мне не нужна корона
Я тот, кто я есть, — только-то и всего

Стены Нового Града, сияйте, маня
Я всего-то хочу сказать:
Я не знаю, кто такой бог
    эта скиния внутри меня —
Это и есть доказательство

Павел

Вот она ясность
плёнку никак назад
С места — в карьер
симфонии без прелюдий
Я так ненавидел, теперь я могу сказать
Свободен
тот
кто любит

Во мне гематома насилия
кровавая лоза
В ладонях ветров гори перекроенная
Я столько ломал, теперь, наконец-то, могу сказать
Свободен
тот
кто строит

Каторжник-солнце, жгутами дендритов обвитое
Горчичным зерном их сплетений всходимо
Глашатай стоп-кранов, я смог наконец-то увидеть
Свобода
в том
что необратимо

В этом тексте нет мыслей

В этом тексте нет мыслей, точнее одна — и она простая
Мысль простая — моя черепная коробка пустая
Коробка пустая, мозг мне не нужен
Вместо мыслей я лучше буду в жизнь погружен

Я — шумное море за твоими плечами
Я есть бессловесность, я твой причал
В моём сердце любовь, вершин колоссы и даже
Алмазные ночи по ценам бросовым, слова мои — распродажа

А сердца так много — хоть в ломбард носи
Вот и дожили, вот и кончились зимы
Жаль нельзя расплатиться сердцем в такси
Или хотя бы в пивном магазине

Колосс незаметно растёт, наливаются колосом
Если свобода и есть, то нужно нырять до дна
Если свобода и есть, то она — это голос
Слушай мой голос
Он есть тишина

Викинги вырывали рёбра своим врагам
Так строчки рвут меня на куски по слогам
Смерть — не отдохновение, земля подо мной никуда не канет
Помнишь, как в детстве — беги, скоро откроется второе дыхание

Я разведчик весны, мой устав штормовые ветра
Сквозь меня тишина наводнением катится вниз
Тишина подступает оргазмом, асфальт подо мной — трапом
Ревёт оглушительно, залпами звёзд задевает карнизы

Если я индивид, то мой космос выходит в ничто
Если я пассажир, то вся моя жизнь — это скорый куда-нибудь
Если и есть надежда, то она — это шмотовый сток
Пластинка апреля, нежданно-негаданно даренная

Которая будет играть, даже когда, кончившись
Встанут камни планет, остынут звёзд златогривые кони
Если и есть свобода — то она корчится
Если и есть любовь — то она агония

В этом тексте нет мыслей — нечего уши греть
Но вот — говорю, вот — слова, и вот — голос мой
По законам всех жанров герой должен был умереть
Но нет
Он пока что живой

В груди моей самая настоящая чёрная дыра
Фейерверки слов разбиваются о ночную небесную твердь
По законам всех жанров герой должен быть раб
Но нет
Он свободен
Верите ли

Ни законов, ни жанров, и боже меня упаси —
Нет, не спрашиваю — зачем, откуда, куда мы
Но вот вопрос — так и подмывает спросить
Иногда мне кажется, бог пожалел, что создал Адама

В моём тексте нет мыслей — в этом и есть всё шоу
Моя черепная коробка затем, чтобы в дождь надевать капюшон
А в остальном
    пусть капли рисуют на стёклах параллельные линии
И пусть наконец-то — ни догм, ни смысла, ни слов, ни лирики

Ни заслуг, ни регалий — небо большой и зевающий слон
Милевые столбы прошагал, проглотил межпланетные лиги
В этом тексте нет мыслей, но, если уж на то пошло
Свобода — приют всех религий

Бежать и бежать по проснувшейся улице
Ни мыслей, ни форм, ни подмостков, ни сцен
Фразы, звуки и мысли — жужжащим ульем
Ты когда-нибудь чувствовал цельность?

Такую цельность — что, где бы ты ни был — весь мир приют
Такую цельность, что вечность — местоимение личное
Такую цельность — что, куда бы ни шёл — всё равно на юг
Такую цельность, что остальное вторично

В этом тексте нет мыслей, точнее одна — и она простая
Мысль простая — моя черепная коробка пустая
Коробка пустая, мозг мне не нужен
Вместо мыслей я лучше буду в жизнь погружен

Невесомость

Возвращаясь домой по проспектов ночным орбитам
Глаза — стробоскопы, моё сердце — барометр непогоды
Не усложняй — все суждения делятся всего на два вида:
Это — хорошо, это — плохо, это — годно, а это — не годно.

Корона неона торгового центра над домами висится
Фонарям на проспектных орбитах висеть — не солоно
Минуты прилипли к часам древнеримскими висельниками
Ночь — мои перегрузки, ночь — моя невесомость

Корона неона торгового центра — манифест моего одичания
Под саундтрек алкашей на районе бессонными ночами
Я вообще не держу обиды
    я парень мирный — бог с вами, ладно
Я просто делаю выводы
    и, сделав, меняю расклады

Минуты смеются, минуты застыли в часах как приклеенные
Ушли, как на зло, в невесомость — ни посадка, ни взлёт
Все суждения... впрочем,
    история не терпит сослагательного наклонения

История
знаешь ли
никого
не ждёт

Корона торгового центра — тёплым неоновым свитером
Трициклический залп — долгожданная вспышка огня
Я был в невесомости и там никакого бога не видел
Зато бог
в невесомости
видел
меня

Под короной неона темнеют торговые залы
Трициклический залп — долгожданный и сладкий покой
Самым трудным на свете, знаешь ли, для меня оказалось —
Позволить
себе
быть
самим
собой

Мои чувства — шумы передатчиков,
искажены волновыми помехами
Есть износ и предел даже у бетонных колонн под мостом
Бросить возглас в пространство не трудно — поехали!
Самое трудное, знаешь, — то, что будет потом

Мои мысли поймали такси и умчались на разные вписки
Мои нервные клетки — с прихватом валютных менял
Моей памяти нет, вместо памяти — фрагментация диска
Что осталось под дробной чертой от меня?

Невесомей февральских дождей,
тяжелее железок спортивного зала
Вот он — мокрый асфальт, никаких тошнотворных «если»
Самым трудным на свете, знаешь ли, для меня оказалось —
Дать вселенной
быть
такой
какая
есть

Минуты прилипли к часам —
ни туда, ни сюда, ни мычат, ни телятся
Древнеримскими тельцами висельников, истончаясь, отчалили
Не умея любить делами, я хотя бы люблю бездействием
Не умея любить словами, я хотя бы люблю молчанием

Иногда бывает очень трудно жить на свете
Люди — не товары, мысли — не торговые стеллажи
Помнишь, в анекдоте: иногда ветер — это просто ветер
Помнишь, в анекдоте: иногда жизнь — это просто жизнь

КАК
ХОРОШО

Про фрилансеров

Как хорошо посидеть иногда с друзьями!
В стихах рассказать об этом нельзя ли?
Вот мы встречаемся в солнечный летний день,
Здороваемся и ищем тень.

Мы все фрилансеры — это хорошо!
Фрилансеру хорошо, куда бы ни шёл.
Днём город пустой-пустой, не слышно ни звука.
Офисные работнички сидят по норкам глухо.

Норочки-норки! Глухие вы норы!
Нам фрилансерам такое не по норову!
Мы встречаемся днём и топаем в кафе на летку:
Хотим посидеть на улице, не хотим в клетку.

Сидим и дышим, обсуждаем дела творческие.
«Творческие» — не значит, что мы какие-нибудь затворнички!
Ветерок обдувает наши творческие лица,
И курточки с нас спадают, будто кобылица резвится.

Обсудили дела творческие, ушли с места, где гнездились.
Взяли чайку в другом кафе и сидим на их летке на стиле.
Очередюги там страшные, будто народ из офисов
Вдруг ломанулся брать пироженки там всякие и кофе.

Засиделись болезные в офисах, жопы квадратные стали.
Дай, говорят, чайку-кофейку! Давненько чего не жевали!
Пиццу, булочку что ли, суши, самсу, ролл, мацу —
Ну и всякое такое, короче, что хорошо ложится на зуб.

Вот они там жуют-суетятся, а мы на летке чаёк попили,
Обсудили мазки Пикассо, производство контента, письма стили.
Расходимся, поднимаем свои творческие жопки, а они —
не поверите, фу ты — на ты!
Такие же!
Квадратные!

Про поездку влюблённой пары на море

Настала суббота, и мы выехали из города
На море — чего тут жариться посуху! —
Вышли из комнаты на тело голо,
На ногу босу

Накинув купальники, шорты, шлёпки.
Решили поехать в Зелик.
Взяли такси два сибаритствующих ушлёпка —
В унисон радиостанции птички пели.

Пока мы ехали — всюду поля да пашни —
Из окон прекрасные виды.
28 по Цельсию, ветер в волосах, окна настезь —
Даже Джек Керуак бы обзавидовался.

Приехали в Зелик. Народу море!
И ещё одно море внизу — полнейший штиль.
Спустились, легли жарой сморенные,
Пеклом нежимые, без сознания почти.

Полезли в воду купаться, ластиться.
Нам хорошо вдвоём.
Ты в невесомом небесного цвета платьице.
Я в шортах гавайских, объёмных.

И сердце объёмное у нас тоже.
Туда помещаются жара, и прибрежные тополя,
И даже многочисленные прохожие,
Как кляксы упавшие на белую ленту пляжа.

И даже толча и низкого качества музыка
Не раздражают — мы далеко, мы вонне парим.
Разговоры о рецептах, дряблые тела кверху пузом
И небеса сотрясающий крик:

Горячая кукуруза!
Я растекаюсь на солнце медузой.
Холодное мороженое!
Обо всём на свете подумаю позже.
День на редкость погожий.
Тропки морские исплавленные-исхоженные.
Мы вдвоём от целого мира отгорожены.

Солёные поцелуи.
Сияешь на солнце улыбкой лунной.
Море волнуется раз
Море волнуется два
Море волнуется три
Спасатели от любви не спасли.

Вот мы лежим на пляже.
Нам солнце щекочет спины.
Воркуя, на локти ляжем
Похожие на двух сфинксов.

Обмазались кремом,
Расправили полотенце.
Кто мы? Где мы?
О, как хорошо на сердце!

Так хорошо на сердце!
Пошли купаться — водица холодная, бодрящая.
В холодной пучине мы — в тепло две дверцы.
Морская пучина холодная, а любовь настоящая.

Мы неуязвимы для волн и холода.
Мы неуязвимы для течений и льда.
Потому что любви проросли всходы,
Любовь — это в стакато-мире адажио.

Отдыхающие и те, кто кричит «кукуруза-мороженое»,
Смотрят на нас, а мы сияем.
Смотрят на морского царя и меня восторженно,
Потому что одолеваю я его.

Потому что моё сердце полно любви —
А ты со смеху катишься,
Плывёшь навстречу солнцу. Повелеваю — вид
Этот запечатлись на века и скрепись отпечатком заката.

Мы две двери друг в друга —
Входим друг в друга, друг в друге зеркалимся.
Морской король приуныл с испуга,
Когда понял законы любовной реальности.

Море волнуется раз.
Море волнуется два.
Море волнуется три.
Пусть себе море волнуется в покрывке от колеса —
Спасатели от любви не спасли,
Потому что от любви не нужно спасать.

Про солнечный августовский день

Когда все люди разбрелись на работы,
Мне приключений охота.
Охота, охота, охота, охота!
Ах, как мне приключений охота!

Я тоже работаю, но из дома.
Эта ситуация, думаю, многим знакома.
Я просыпаюсь не рано, слушаю птичьи трели.
И у меня бывают выходные посреди недели.

Сейчас на дворе стоит август, забыл вам сказать.
Пекло такое, что к трусам прилипает задница!
И к стулу задница тоже потом прилипает!
В солнечный летний денёк в небольшой квартирке такое бывает.

Так вот, пока человеческий род разбредается на работы,
Мне приключений охота.
Но не таких неправильных приключений — типа напиться.
Мне охота других приключений: спуститься на крышу пристройки,
раскинуть руки — как будто я птица!

Я взял полотенце, полез в окно и пошёл загорать на крышу.
Горит рубероидным жаром крыша — точнее дышит.
И я вместе с крышей дышу!
И руки раскинул, как птица на самом деле!
Нет, я вам точно скажу!
Всё-таки хорошо — выходной посреди недели!

Ложусь загорать, солнце жарит мою кожу.
Через пару часов на старинный папирус она похожа.
Я чувствую себя Робинзоном, первобытным захватчиком прерий
На бетонной пристройке! Нет, всё-таки хорошо —
выходной посреди недели!

Я смотрю, как внизу там людишки спуют и машины.
Все куда-то идут, интересно им жить, увлечённые шибко.
И я увлечён — увлечён этим видом на жизнь и город.
Вот это приключение! Это тебе не напиток — это хардкор!

Это настоящее внутреннее приключение!
Тёмному Рыцарю такое не снилось!
Если душа есть домашний скот, то вид с крыши — силос.
Не проживёт зверушка без силоса в стенах сарая,
А душа — без внутренних приключений
и без них не попадёт в рай.

Так что если заботитесь о ваших внутренних душах-зверушках,
То находите время для видов —
не обязательно наверху, можно и внизу, подружке,
Например, своей загляните в глаза или наблюдайте полёт птички.
Нужны виды, погуглите их что ли —
и с душой тогда всё будет отлично!

Чем больше видов, тем шире сознание и сверху, и снизу, и сбоку.
Я простой человек на крыше — что вы, я не играю в бога!
Но всё-таки своего рода урок преподавал вам на самом деле.
Нет, вы знаете, всё таки хорошо — выходной посреди недели!

Про придумывание слов

Я поставил себе задачу: чтобы каждая строчка новая
Начиналась с буквы, на которую закончилась предыдущая.
Вот, например, надо придумать на «Й» слово,
Если напишу: Ой какой сегодня денёк цветущий!

Вот пишу: Ой какой несказанно отличный день!
Надо теперь с мягкого знака придумать слово,
но придумывать лень.
Я сижу за столом, и окно моё настезь открыто.
Я в квартире — как в аквариуме рыба.

Опа, придумал! Пусть слово зовётся «ьн»!
Нет, это какой-то китайский иероглиф — сны
Приносили мне память иного, но вот опять беда:
С буквы «Ь» слов тоже нет и не было никогда.

А значит, надо придумать новое слово на букву «Ь».
Вот такого поворота не ожидали вы.
Слово на букву «Ь», впрочем, — это намного легче.
«ЬЫЫ» — есть такое междометие,
которое от многих проблем лечит.

Нет, серьёзно — когда сбиты с толку, используем слово «ЬЫЫ».
Оно вместе походит на речь человека
и на шум водосточной трубы.
Вот мы расширили популяцию,
скрестив человека с трубой и дав трубовоку речь.
И язык расширили — вот это мы мощь! —
один раз отмерь, семь раз отрежь.

Вот это мы мощь! Вот это мы сила!
Расширили биологию, и искусство, и представление о красивом.
Вот это красота! Вот это самобытность! Вот это я понимаю!
А то глянешь на русский язык —
а он такой причёсанный, что аж не узнаваем.

И вот теперь в нём появилось грубое животное «БЫЫ».
Точнее, не животное, а механическое, индустриальное —
шум водосточной трубы.
Вот мы придали языку и человеческому существу
механические нотки.
Вот это реально в духе века — обжигает как рюмка водки.

Да и животное тоже в тему — грубое звериное «БЫЫ».
В нём слышится шёпот ночи и крик беспокойной совы.
В нём чудятся песни леса, различные едва.
Вот это мы мощь! Нет, всё-таки классно — придумывать слова!

Скрестили человека с животным и расширили язык.
С биологией творим, что хотим, искусство отзывается зычно —
Гулким эхом слышится. А что если — Ууу! —
Взять ночную сову и запихнуть в водосточную трубу?!

Вот тогда крик совы, помноженный на шум водосточной трубы,
Даст громогласное, чистое, небывалое «БЫЫЫЫЫ!»
Да вообще, включим в литературную речь всё —
вплоть до елового хруста.
Вот тогда из-под каждого куста
будет доноситься искусство.

Про социальные сети

Как хорошо, что на свете
Есть социальные сети.
Скажете: «Они прекрасно знакомы нам».
Нееет! Эти последовательности единиц, нулей и букв
Сродни небесным дарам.

Как будто господь решил спуститься свыше
И сделать нас всех родственниками, парами лыжными.
Так оно и есть — мы теперь ближе,
Даже если в норках квартир сидим мышками.

Нет больше Большого Взрыва, а только Большой Возврат.
Пройден долгий путь — серафимы стоят у врат.
Я сквозь время лечу,
и в пространстве мне не препятствует ничего —
Все пространства и времена уместились в один смартфон.

Господь к нам добр, он простёр над каждым защитную сень —
Новую Ноеву радугу, новую Ноеву сеть.
Побойтесь бога, не будьте оффлайн элементами —
Нынче ночь будто днём светла —
Лайкайте, постите, оставляйте комменты —
Не вкушайте от древа познания добра и зла.

И всё же печально признать, но есть на планете уголки,
Где пространство и время ютятся как крысы в канавах сточных.
Копошатся, копошатся, копошатся!
Как будто псы сорвались с цепи и сбежали сношаться —
Оффлайн в подворотнях плодятся, щёняются!
Как они там без интернета и просвещения?!

И бывают ещё всякие такие фокусы природы:
Типа падает связь в старом доме
или не ловит во время плохой погоды.
Поэтому надо строить дома лёгонькие —
чтобы они прозрачнее ручейка,
Топить ледники, спиливать горы,
разводить континенты, разгонять облака.

А ещё бывает такое,
что связь некоторые люди отключают нарочно —
Но это делают стойки, чтобы проверить себя на прочность.
А у нормального человека холодеет на сердце,
когда приложения не грузят.
Но зато потом ощущаешь блаженство,
как будто нет косточек в арбузе.

Косточек нет в арбузе — ешь, радуйся,
да не будет зубам твоим преткновения!
Послушай сухой ветерок — как он мягко по улицам веет.
Почувствуй на сердце радость большую твою человечью!
Посмотри на тех, кто со дна твоих чатов
на верх поднимается к вечеру —

Это и есть чувства, это и есть дружба!
И сердечками, смайликами
Выпускай наружу
Всего себя как будто пыльцу в мае,

Как будто сквозняк за двери —
Мир новорожденным с пелёнок —
Как будто после потопа звери,
Обновлённые,
Встали, спины выпрямили —
Их громкими криками,
Нестихаемыми,
Падают гроздьями сочными каплями,
Громяхают
Дожди, и ветра, и поток, и сама жизнь —
отныне и навсегда стихами.

Выпускай, выпускай всего себя наружу!
Выпускай тяжесть, которой усталое сердце твоё нагружено —
И пусть оно встретится с тем, что нисходит свыше,
Пусть оно с ветром шагает через высоты и крыши.

Пусть ты будешь большим и сильным —
неприступным великаном.

И пусть твои мысли и слова плывут буквами вулканными,
Извергаясь туда — вовне, в интернет — трепеща, жужжа —
Они больше тебе не принадлежат.
Отпусти своих мыслей сто тысяч тонн —
У них теперь новый дом.

Про вечер

Как хорошо, что есть вечер.
Вечер человека лечит.
Вот кончился длинный день —
И можно выкинуть из головы всякую дребедень:

Разные там дела, и обязанности, и вопросы,
И сомнения, и тревоги, что обычно рассыпью
Колупаются в голове из угла в угол черепа.
Их всех очень много, они давят на челюсть.

Поэтому человеку нужен вечер.
Всё время нагружать челюсть нечего.
Надо отдохнуть дать челюсти и голове.
Ладно бы, если бы их было две —

Типа вторая запасная, но голова одна.
И если нагрузка достаточно сильна,
Достигнет предела — то, падая с пьедестала,
Пиши пропало.

Хорошо, что есть дождь.
Представь, ты по улице тихо идёшь.
Не торопишься, сверху небо, внизу трава.
И даже не хочется говорить слова.

Даже не ищешь, как бы выразить всю эту красоту.
Главное, что красота тут.
Главное, что ты идёшь по улице, скоро наступит осень,
Ветер первые павшие листья по пустым дорогам возит.

А может быть, не идёшь по улице, а сидишь дома.
Дома хорошо — дома все предметы знакомы.
И дождь знакомый, и скорая осень знакома —
Тогда и улицу, в принципе, можно считать домом.

А может сидишь на работе или стоишь в очереди
В супермаркете — музыка, голоса, образы, мысли цепочками.
В окна стучатся капли — будто небо неистовый сад плодовый.
Значит и в супермаркете, и на работе — ты тоже дома.

Поэтому домом можно считать весь город.
Вообрази, как тебя огни светофоров гонят.
Вообрази, как ты в кофейне по счету платишь,
Твои джинсы и куртка — ещё одна разновидность халата.

Весь город — твой, и вечер — твой,
и дождь — старинный приятель.
Неужели тебе не хочется заключить их в объятия;
Отпустить загрузки как двухмесячных жеребят
На свободу и с ними — самого себя?

Про дорожный знак

Как хорошо, что кто-то придумал дорожный знак!
Этот человек явно был не дурак.
Он понимал одну важную вещь:
В общественной жизни есть брешь.

А именно, проблема перемещения:
Как измерить авторитет; кто прав, а кому просить прощения,
Когда встречаются на дороге два упёртых гения,
И нужно разъехаться в разных направлениях.

Дорожный знак — это не просто регулировать движение!
Нет! Это спор за авторитет, практическое приложение
Философских идей — есть ли высшее мерило
или прав кто нахальней? —
Короче, дорожный знак — это вопрос экзистенциальный.

Да, это вопрос философский — уважение к правилам свыше.
Это поверить, что кто-то знает лучше, притихнуть мышкой,
На мгновение отключиться от «Я», проследовать указателям.
Это вопрос религиозного сознания, так сказать.

Это не просто механически разъехаться и забыть.
Если вдуматься, этот вопрос — полная муть и страшная зыбь!
Я чувствую в верхних отделах мозга покалывание и жжение!
Нет, меня совершенно выводят из себя
знаки дорожного движения!

Что за странный был человек, который их придумал!
А легковверные люди решили, что ветер перемен дунул —
Ага! — И принёс социальные новшества,
и жизнь теперь станет лучше.
Нет! Тот человек был хитрец!
На самом деле он посадил их в лужу!

И теперь по всему миру, якобы исходя из благих побуждений,
Дорожные знаки нам напоминают ночью и днём
Наше определённое место — зажатые клеммой
В кругу мироздания, —
Короче, отныне мир — это моральная дилемма,
Экзистенциальное задание!

А вы знаете, даже хорошо, что тот человек придумал знаки!
Не думай, что всё по-накатанной! Разгадай их, на-ка!
То — прививка от глупости, область непознанного,
Вызов, брошенный целому миру!
Пешеход ли, водитель ли — не ведись на двойственность!
Эволюционируй!

Про мусорную машину

О как прекрасна мусорная машина!
По её металлическим жилам,
Должно быть, бежит огромная сила!
Это же надо так мусорный бак поднимать красиво!

В этом есть изящество и грация!
Какая-то тайна за гранью рации.
Ведь казалось бы, что тут такого — мусор опусто-
шить, но если присмотреться — это произведение искусства!

Это очень глубокий метафизический акт.
Опустошение мусора —
    ритуал очищения, запечатлённый в веках,
В разных культурах и на разных континентах —
То непрерывная связь времён,
    вечность, упакованная в момент.

Да! Именно вечность! То есть, мусорщика наблюдая,
Ты на самом деле видишь типа жреца-джедая.
То есть, если бы он сейчас по колено в трухе и золе
Не стоял, прервалась бы линия истины на земле!

Я знаю, ты мусор выносишь по вечерам исподволь ведь.
Но знай, неразумный! Это как маленькая исповедь!
Мусорные мешки, как и туалетную бумагу,
    покупай с гордостью!
Пусть глупцы говорят: «бытовуха», отпускают колкости!

Они думают, что копить говно — это круто и прогрессивно.
Но ты не будь дураком, знай: мусор — это красиво!
Если жизнь — симфония, мусор — её партитура.
Новое всегда рождается в грязных пелёнках старой культуры.

Выбросить мусор — это очищение тела и духа.
Спесь и ересь в мозгах дураков — вот подлинная бытовуха.
Так что тот, кто стесняется брать туалетную бумагу,
Пусть копошится в своём духовном гетто! Фак ему!

Про дождь и осень

Какая печальная штука — осень.
Как будто несчастный ослик
Едет и везёт в гору поклажу,
А я его по спинке глажу.

Ослик, не расстраивайся! Не плачь дождиком!
Отпускаю натянутые стрункой вожжи.
Не плачь, — говорю, — ослик! Что ты ушки повесил!
Кончатся и эти новые восемь месяцев.

Запрягай телегу, тащи трудные дни в гору.
И пусть падает дождь за ворот
Холодными каплями, но ты не расстраивайся — всё же
Есть в этом своя красота, ни на что не похожая.

Тащить, тащить в гору, тащить, тащить...
И дождь — твой дом, и камни — щит,
И облака — покров. И пора бы привыкнуть,
Расслабиться, спину покрепче выгнуть.

Ослик, ослик, не считай часов.
Твоя телега — всего лишь деревянный брусок,
Но ты свободен — существо вышнее.
Вставай, ослик осени, беги по крышам!

Расскажи всем, как ты устал проливаться дождём!
Расскажи всем, сколько в сердце твоём ёмких
Слов, и мыслей, и возгласов — что хватит на тысячу солнц!
Как ты через страны шагал, умываясь росой!

Как ты облаками летал над тысячью городов —
Во всех небесах ты нашёл себе дом!
Рассветное солнце вставало и красило
Весь мир! А сейчас потерял ты разве —

Ты разве потерял это? И кто тебя впряг в повозку
Внезапной осени — пришедшей в срок и от того промозглой?
Что за Давид тебя вышиб камнем из летней пращи?
Не думай об этом — тащи, тащи.

Про телевизионную башню

Иногда, когда мне становится страшно,
Я смотрю на телевизионную башню.
Вот, должно быть, ей тоже страшно —
Этой телевизионной башне.

Стоит совсем одна посреди города.
А может быть ей мокро и холодно.
А может быть ей тоже страшно —
Этой телевизионной башне.

Но она как Прометей — несёт всем нам огонь.
Спросите: огонь какой?
Нет — не с неё открывающийся вид.
Это огонь телевизионной любви.

Потому что, когда кому-нибудь становится страшно,
Он садится в кресло в ночной рубашке
И становится второй недостающей половинкой
Огня телевизионной любви.

Когда кому-нибудь становится страшно,
Его спасает телевизионная башня —
Он садится в кресло в ночной рубашке,
И она его приголубит, станет родным папашей.

И это самое что ни на есть чудо.
Больше нет сирот, и отныне не будет.
Больше не будет одиноких стариков, покинутых детей,
Одиночество в прошлом — средневековья тень.

На дворе 21 века день.
И ты сам можешь быть тем,
Кем захочешь, и там, где захочешь,
Если станет в пустой квартире одиноко ночью.

Так что, когда мне становится страшно,
Я смотрю на телевизионную башню.
Её жертвенность сердце мне лечит.
И сразу становится легче.

Про внутренние поезда

Вряд ли кто-нибудь со мной поспорит,
Что очень классная штука поезд.
Я однажды сентябрьским утром
Спустился к путям, как будто

В другой мир попал.
Там, где стена попадала,
Белые кирпичи образовали грядку
Семян — они снова взойдут навряд ли.

Это пролом между разными мирами:
Между нами и другими нами,
Между нами осёдлыми
И нами, повскакивавшими в сёдла.

Разумеется, сёдла — не в смысле буквальном,
Не в том, что, вскочив в поезд, куда глаза валим.
А в том, что можно быть путешественником духа,
А потом уже тела — в этом вся штука.

Я сел на стену — пролом между двумя мирами,
Между нами осёдлыми и в сёдлах нами.
Я сижу на стене, и я готов
Впрыгнуть в вагоны духовных поездов.

Слышу, как тянется металлическая нить —
Востроносая гусеница, взглядом её обойми
Попробуй — от края небес до другого края.
Я смотрю на неё, еле дышу, замираю.

Скоро она станет бабочкой, и вот уж тогда
Бабочка духовного поезда заполнит собой города,
Накроет собой города, и все эти красно-серые пятна
Станут флагами духа и тех неприглядных

Внутренних путешествий из пункта «А» в себя.
Такому не учит ни школа, ни университетская скамья.
Слева приблизилась гусеница,
а поравнявшись со мной — верите ли! —
Вдруг оттолкнулась от рельс, оторвалась от земли.

Окна вагонов рассыпались как новогодняя мишура.
Это взаправду или воображения игра?
Окна вагонов рассыпались: мне чудится, или
Из них прорастают огромные крылья?

Сильные — как экскаватор, крепкие — как бетон.
Ещё бы — поднять эту тушу в несколько тысяч тонн.
Поднять и унести с пассажирами вместе за облака,
Оставив меня ломать голову, такое возможно как.

Хороша ли, плоха ли история, но не так далека от правды.
Вот так я нежданно-негаданно стал свидетелем равно
Глумления над природой, и откровения божественного —
Всё-таки, хорошо быть внутренним путешественником.

Про время и любовь

Время, как и любовь, очень трудно описать.
Не понятно откуда смотреть — сверху, снизу, спереди, сзади
Или сбоку, потому что нет у них ни сверху, ни сбоку.
Время и любовь — цельные, неприступные как олимпийские боги

И в то же время — вездесущие боги.
Время проникает во всё — даже в сон, и тоги
Неразрешимых проблем и покровы тайн
Всё равно спадут — время явится на свидание

Рано или поздно. Рано или поздно
Перемешаются в пыльную кашу звёзды,
Вода испарится, застынет прозрачным льдом.
Короче время, ребята, это полный дурдом.

И любовь времени ненамного лучше.
Все поэты мира этой истине научены.
Поразвесили уши, подвесили языки — и давай о любви чесать,
Всё пробуют — то сверху, то снизу, то спереди, то сзади,

То сбоку, то игнорируют — да что там толку.
Любовь не картинка в рамке — её не поставишь на полку.
Любовь — актриса, играет различные роли — бывает и такое.
А бывает наоборот — всякие безделушки зовутся любовью.

Бывает, произносишь слово «любовь», а её и след простыл.
Она будто Карлсон — привидение из простынь.
А бывает, забьёшь, и молчишь, и задремлешь на пару минут,
А она — тут как тут.

Короче, трудная любовь штука, и время — тоже.
Можно было бы разрезать его на лоскуты-минуты, был бы ножик.
И можно было бы любовь-бабочку
положить в баночку,
завернуть в газету.
Но ни газет, ни баночек таких на свете нету.

Короче, всё это несусветный полнейший дурдом.
Я уже триста раз пожалел, что заговорил о том.
Пусть лучше время летит бабочкой,
        любовь обнимает нас тысячью тог.
Я просто предупредил, а ты будь готов.

Про обогреватель

Когда я был маленьким, грелся у лона матери.
А сейчас, если верить календарю и математике,
И сердцу, — я давно не маленький, греюсь в кровати,
А вне кровати включаю обогреватель.

Обогреватель, вообще, это клёвая штука.
Лёгкий, спиральный — в строительном магазине купил тупо.
Задёшево купил — рублей за пятьсот.
И теперь у меня спокойный и тёплый сон.

Включаю обогреватель, сон морит быстро.
Сплю царственно — раскинувшись как министр.
И даже если временами одеяло сползает ночью,
Я не чувствую холода — мне тёпленько очень.

Очень, очень тёпленько! Очень, очень хорошо!
Купил обогреватель — будто дверь потайную нашёл.
Но не в Нарнию, а на экватор — в самые тропики.
У меня теперь свой личный экватор в центре Европы.

Мой личный экватор — мои баобабы, мои лианы.
Вот-вот обезьяны запрыгают в ванной.
Скоро волны прибоя вальяжно растянутся под ногами.
Так тёпленько, хорошо... Засыпаю — расплавленный камень.

И снится мне лето, и снятся птицы.
И снится небо, и жемчужное солнце снится.
Будто я загорелый, довольный на берегу лагуны.
И ветер лениво пальмовых веток струны

Перебирает — они перешёптываются нехотя.
И я стою посреди всех красот полусонной земли дитя,
Голубеющих высей сын.
Я сам по себе — стал как день простым.

Я сам по себе — на мне только трусы.
Я на месте своём посреди земли-красы.
Я расту и тянусь к небеса как платан.
Я свободней, чем ветер, смелей, чем мечта.

Ныряю в воду — она голуба и тепла.
Куда плыть — нет плана, и в этом план.
Открываю глаза, поднимаюсь с кровати —
Нет, всё таки хорошо, что купил обогреватель.

Про отключение горячей воды

Как хорошо, что иногда отключают горячую воду!
Ты как будто становишься ближе к истокам природы —
Как неандерталец, моющийся у ручья.
Это кайф, я вам скажу, к истокам вернуться, друзья.

К истокам вернуться... Вернуться к истокам...
Когда мир был тайной, истина недоступной, море глубоким,
Небо высоким, и лес был домом — все люди семья.
Была в этом какая-то романтика, я вам скажу, друзья —

Своя неандертальская романтика. Вот и сейчас то же самое —
Есть только я и стихия — я и комната ванная.
Холодные ключи бьют из всех кранов — это жизнь, как она есть,
Первобытная, дикая, сейчас и здесь.

Сейчас и здесь... Здесь и сейчас
Огонь цивилизованного мира погас.
Электричество кончилось, удобства — долой.
Мы наконец-то вернулись к природе — домой.

Мы наконец-то дома — там, где и должны были быть, —
Дикие, необузданные. Культуре не изменить
Истинных радостей сердца, неандертальских забав:
Я моюсь холодной водой, на наскальный кафель капаят

Холодные сочные гроздья брызг как в рекламе шампуня.
Только мы уже не те, мы живые, а значит — рискующие.
Мы забыли про риск, но теперь, вступая в холодную воду,
Я ловлю этот импульс святой первозданной свободы.

Не зная последствий,
как раз и можно быть свободным по-настоящему.
Если выбор смягчён предвидением,
то свобода разложена в ящички.
Свобода в коробочках — весом и мерой на магазинной полке.
Выбор смягчён культурой — и поэтому больше не колкий

Как обломки скал, как еловые иголки.
Выбор со знанием последствий — колокол, да не звонкий.
Но когда ты стоишь под холодным краном,
    не зная, что будет дальше,
Вот тогда твоя свобода полная,
    бескомпромиссная — неандертальская.

И сразу захватывает сердце! Дух захватывает!
Как будто сорвал джекпот на игровых автоматах.
Пан или пропал — вот оно! — чувствуешь, что живёшь!
Нет времени на нытьё, нет сил на ложь!

Тогда каркас мироздания проступает перед тобой как радуга.
Ты стоишь перед зеркалом — голый, живой, атлантовый,
Как и было задумано от начала, неба становятся ближе своды —
Нет, всё таки хорошо, что иногда отключают горячую воду.

Про такси

Как хорошо, что есть такси:
Привезёт, куда ни попроси.
Вот лень тебе идти пешком или времени нету,
Тогда такси — это про тебя: карету мне, карету!

Водители,
твоего комфорта предусмотревшие каждую подробность,
Приедут, вежливо пожелают дня доброго,
Отодвинут сидение, музыку сделают тише
Или громче — короче, всё по разряду высшему.

Так что это очень хорошо, что есть такси:
Не страшна самая лютая из зим —
В машине всегда тепло, светло и комфортно.
Из подъезда в машину — прыг,
из машины в другой подъезд — проворно

Тоже прыг, и вот ты в нужное время и в нужном месте.
Время прибытия, маршрут, марка автомобиля известны.
Извозчикам Грибоедова такое не снилось.
Вот — в действии технологического прогресса сила.

Так что такси — это великий символ заботы и безопасности.
Мы с водителем — две послушных овечки,
навигатор — пастырь.
До места прибытия осталось четыре минуты.
По таким закоулкам ведёт, удивляемся оба — вот даёшь ну ты! —

Как Моисей великий народ водил 40 лет по пустыне.
И всё таки их сердца не остыли.
И наши сердца не остыли — мы скоро достигнем цели,
Я и таксист — реакции быстрые, глаза цепкие.

Наши сердца не остыли, мы едем, мы ищем пункт.
Иногда кряжист, иногда долог наш путь —
Ну и что! Всё самое значимое даётся с большим трудом.
Это понимают таксисты, для которых дорога — дом.

И в этом есть очень глубокая жизненная философия:
Они не консервируются сердцами,
оставляют свободными строфы
Жизни. Развеваются на ветру, наполняются светом их ризы.
Поэтому не будьте с таксистами грубыми и капризными.

Они служители культа, собратья Харона.
Их задача — чтобы путь твой пролёг ровно.
За ровный путь поднимем бокалы в честь такси.
Такси! Приезжай! Подвези!

Про часы

Вряд ли кто-то поспорит, что, на самом деле,
Часы — очень странное изобретение.

Ложатся на улицу тени.

Подходит к концу день.

А часы всё это уже давно знают.

Они за улицей внутри себя наблюдают.

Внутри них все эти контроллеры и винтики

Отсчитывают каждую минутку — ни добавить, ни выкинуть.

Минуты-монеты — чик-чик — чеканятся.

Падают минутки — кап-кап — камешки

На безголосые, потемневшие улицы.

Вращение дайсов. Операции булевы.

Летят — пиу-пиу — пулями.

Истекла минута — свечу задули.

Как будто идёт минутный дождь.

Упавшие капли на небеса не вернёшь.

И вот ты беспомощный стоишь,

А минуты валяются из окон и с крыш.

Перед тобой дождя стена.

И вот время рыщет — ладонь обнажен.

И раскаты минут, время уходит.

Минуты текут из людей — хоть бы

Укрыться где-нибудь, что ли, от потока времени.

Неужели всего лишь реки мы.

Просто реки, полупроводники дождя.

Удары часов, нарастающие, дятловые,

Тектонические, гулкие, внутренние.

Мы полупроводники минут,

Полупроводники дождя, катушки медные.
И вырастает за моей спиной медленно —
Я даже не сразу заметил — как сон
Огромный город лет и часов.

Про спортивную площадку

Я выхожу на спортивную площадку.
Солнце светит беспощадно.
И я тоже беспощадный —
Беспощадна и спортивная площадка.

Мы все беспощадны.
Потому что сейчас края початы.
Потому что сейчас тело будет брошено
На беговую дорожку.

Дорожка коричневая, красивая, прорезиненная.
Даже в дождь по ней не будешь скользить.
Даже в дождь она ярко светится
Отголосками летними.

Потому что когда бежишь — всегда лето.
Планета вращается тёплая — у неё зимы нету.
Нету зимы, потому что всегда в движении, горячая.
Вот так и я — в феврале в шортах калории трачу.

Сколько здесь капель пота пролито!
Когда кажется — больше не вмоготу, — слетают роли.
Слетает наносное — ты становишься тем, кто ты есть.
Ты вдруг оказываешься сейчас и здесь.

На грани физических сил ты приходишь в себя.
Падают снежные хлопья или ручьи летнего дождя —
Это не важно. Солнечно или ветрено —
Ты бежишь, выгораешь, — ты и есть лето.

Сколько здесь километров намотано!
Здесь в кубики превратился живот.
Здесь глаза закрывались, не желая тяжесть и наготу земли
Видеть, но ноги прощали, и ноги несли,

И всё прощалось, изнутри выгорая.
Дело не в том — лучше или больше, это не гонок ралли.
Это дух, пробудившийся, раньше сидевший взаперти.
Ноги несут его, ноги не могут не нести.

Это потому, что всё тело горит,
    переплавляется — в горниле палёное.
Ты чувствуешь стук, но не сердца — скорее лёгких.
Так что если и говорить про спортивную площадку,
То останется только одно слово — беспощадность.

Про прорыв

Прорыв — это очень важная часть в жизни мужчины:
Вот так вот взбучиться и назло всем причинам,
И условностям, и ахам, и вздохам сделать прорыв —
Оставить в мироздании,
        так сказать, отпечаток своей именной норы.

Назло всем ахам и вздохам!
Взбучиться и совершить прорыв неплохо бы.
Это очень полезно для организма мужчины — назло всем ахам,
Сквозь туман сомнений, мглу тревог и завесу страха.

Типа как царь Леонид с мечом или Суворов через Альпы.
Взять жизнь за шкуру и снимать с неё скальп.
Направо и налево! Налево и направо!
Типа как Македонский пешком или Наполеон через переправу.

И тогда в организме мужчины воцаряется священная истома.
И тогда мужчина чувствует себя как дома.
И даже не как дома... И свершения — ладно бы...
Дело в том, что теперь в организме мужчины всё ладно.

Каждая, шестерёнка работает как надо!
Брутальность —
        панацея, прививка от всех болезней, в жару прохлада.
Брутальность —
        как эскимо в июле или глоток воды в пустыне.
Это когда ты чувствуешь, что живёшь,
        движения точные и простые.

Каждая, шестерёнка работает как надо!
Нервы — тетива лука, глаза — телескопы, ручки экскаваторные
Загребают, ножицы истопчут все сёла и города.
Сердце стучит аккумуляторное, жилы — синие и красные провода.

Не знаешь, какой дёрнуть! Не тронь, того и гляди — рванёт!
Голосище — зов предков — содрогается нёбо!
Разум быстрый как сияние северное,
Пальцы — проволока, глаза на выкате.
Хорошо быть brutальным зверем!
Но ссыкотно...

Про искусство

Трутурурум, трутурурум! — по барабану,
По перепонке сознания слова дробят.
Искусство — это Архимедова ванна,
Искусство — это погружение в себя —

Туда, где заканчиваются определения,
Слова — река, искусство — понтон,
Который несётся из коры в солнечное сплетение —
Понтон поднимает флаги, понтон уплывает в ничто.

Колючие перепонки сознания — колючие небеса,
Звёзды колючие — падают, разбивают лоб.
И хочется броситься понтон стиха спасать
От звёзд-слов.

И компас застыл, меридианы смешались в узлы
и если бы даже планеты встали,
И гордые горы ушли в океан — тыщетонные, —
Понтон стиха превращается в камень —
Единственный камень, который не тонет.

И если уж быть до конца честным,
Архимед погружается в ванну — и ванна ринг.
Инструменты вторичны как рыбаку леска,
Первично — творить.

Про стиральную машину

Как хорошо, что на свете есть стиральная машина.
Без неё раньше — ох людям было жить паршиво.
Стирали вручную до боли в пальцах, дубили кожу.
Стирать вручную так было утомительно и сложно.

И вот наконец-то один хороший человек придумал машину
Стиральную, чтобы мы в комфорте и радости жили.
Стиральная машина — символ нашего достоинства,
Свободы, того, что мы рождены для великих устоев,

Что наше время не резиновое — дорого и ценно,
Что чистота одежды должна иметь свою цену —
Не такую, что ради неё надо горбатиться полдня, —
А такую, что порошок засыпал, кнопку нажал —
и что в лоб, что полбу.

И думать забыл, занимаешься высоким,
а там, оказывается, постиралось.
И ты такой хозяин жизни, решил подождать малость
И только потом вальяжно, снисходительно открыл дверцу,
Кокетливо раскидал на сушилке вещи с лёгким сердцем.

Ах, если бы ещё и бросалку кто-нибудь придумал! Вот тогда
Мы бы просветились в миг, перестали бы считать года,
Открыли бы новые грани жизни и — уже не усталые,
А бодрые, свежие, предназначенные для истины — встали бы

И пошли вершить великие дела,
творить искусство и делать добро.
Ах, если бы кто-нибудь придумал бросалку на сушилку —
вот мы бы зажили, бро!
Ты скажешь, есть машинки с сушилкой — это ладно.
Но тогда надо придумать бросалку в шкаф и раскладывалку.

Раскладывать вещи на полке —
это боль и страдания высшего сорта.
Всё вечно валится вниз, перемешивается:
ищешь носки — достаем шорты,
Лезешь за футболкой — а там тебя ждут носки.
Раскладывать вещи на полку —
можно впасть в отчаяние с тоски.

И тогда замутнённый дух
уже совершить великое не в состоянии.
Сидишь в кресле, отдышаться бы — куда уж там добрые деяния.
Так что я вас очень прошу смыслёные,
талантливые инженеры, дорогие мои, любимые! —
у кого шестерёнки работают с чувством,
расстановкой и толком —
Пожалуйста, придумайте бросалку в шкаф
и раскладывалку на полку!

Про текст просто так

Как хорошо написать текст просто так,
Не выдумывая оригинальной темы, не боясь попасть впросак.
Не для того, чтобы кто-то прочёл и сказал: «оригинально!»
Написать текст просто так — пусть будет банальный.

Почувствовать, как язык играет, как мысль течёт или стопорится.
Написать текст просто так — как будто поиграть бицепсами.
Можно не заботиться о последовательности изложения
И перескакивать с мысли на мысль —
    О! Как хорошо солнышко светит, приятное жжение!

А ведь уже октябрь, но солнышко всё ещё прекрасно светит.
И листочков ещё много зелёных свисает с веток.
Ветерок приятный и свежий, лёгкие облачка, голубое небо.
Я могу написать банально — наплевать на отзывы хвалебные,

И на новизну, и на оригинальность, и на всякое такое.
Никому не покажу, и никто не назовёт хорошим автором, в кои
То веки открывшим уста и наконец-то изрёкшим правду как есть.
Как хорошо написать просто текст,
    просто так, просто сейчас и здесь.

Про русский язык

Как велик и могуч русский язык!
Он вам — не то, что на речке от ветра зыбь.
Он звучит громогласно, так что содрогаются стены
И в проводах становится постоянным ток переменный.

Он звучит так, что соловьиные трели —
не больше, чем скрип двери,
Похлопывание на ветру простыней. Вверен
Если ему, то будь уверен — ты под надёжной защитой:
Твои мысли будут лететь вперёд в само пространство вшитые,

Проникать в самое сердце слушающего,
оставляя на нём отметины —
Твоей красивой души, твоих мыслей этих,
Что ты отправил, отпустил на волю — пусть летят раскрываются
Хризантемами и ромашками, орхидеями, словами,

Проникая до самого сердца — в грудь, в сердцевину —
Как настоящий виски, как пары винные,
Как рассветные сполохи под гранит шторовый.
Слова́ русского языка послушайте! Что же вы

Говорите на нём каждый день, не осознавая,
Какую красоту отправляете друзьям в чате
или скандала в салоне трамвая.
Вы и скандалите красотой,
и ругаетесь благоухающими цветами речи —
Язык даже ненависть очеловечивает.

Язык перемешивает все карты умников и снобов.
Язык — отпечатанное в мозгу слово.
До того, как стало отпечатано, мир был пустой и безвидный.
А после отпечатка стал красивый, сильный и монолитный,

Гранитный, отлитый — цельное существо,
ревущее похлеще Кинг-Конга.
Короче, вы когда говорите, побольше думайте, сколько
Красоты выходит из ваших уст в единицу времени.
Без русского языка никак! Это великое изобретение!

Информацию можно передавать и на пальцах,
или цифрами вкратце.
Но язык ведь не для того придуман,
чтобы передавать информацию.
А то мы были бы с вами машинами
и ходили кусками программного кода.
Язык делает нас людьми, глину плоти дождём орошая безводную.

Потому что одну и ту же информацию
можно подать совершенно по-разному.
В этом и есть нашей индивидуальности база.
Сколько людей, столько и поданной информации через язык.
Это и есть красота!
Ты понимаешь, подруга!? Ты чувствуешь, мужик!?

О! Русский язык — это глоток свежего воздуха, дождя кóсы!
Он бодрит как солнце в окошко,
будоражит — как выход в открытый космос!
Это журчание самой жизни, воплотившейся в звуковые волны.
И даже смысл не столь важен — само звучание замкнуто и полно.

Даже если читаешь книгу, уткнулся в неё — зырк-зырк, —
Всё равно внутри тебя, прорастая плетением лозы,
Походит на шёпот леса, но гремит раскатами грозы —
Русский язык.

Про единицу

Мой голос слышен из далёка-далёка.
Я единица в толпе, лёгкая-лёгкая.
Единица лёгкая, несомая по волнам людским на улице.
Единица тяжёлая,
потому что тяжело быть единицей, если задуматься.

Тяжело в мире с усреднёнными показателями
и статистическими подходами,
Представлением о нормальности и диктатом кривой доходов.
Тяжело, когда ты вышел из дома и вдруг осознал себя человеком,
Хочется эту новость рассказать, но некому.

Так что надо искать, кому сказать эту странную новость —
Сказать на особый лад, не обычными словами, а по-иному,
Иносказательно, потому что слово «человек» затёрлось:
Каждый думает, что он человек,
в груди испытывает подъём, в намерениях твёрдость.

Но одна ли твёрдость делает тебя человеком?
Твёрдость есть и у дерева, и у орешка, что схвачен белкой.
Несёт его белка в дуплышко, впивается в него зубами,
А ему всё равно — а чего бояться, он твёрд как камень.

Но был бы камень — белка не унесла бы его в дупло.
Пусть не с первого раза, но белка потрудится — от и до —
Несколько подходов — и всё же надтреснет его оболочка.
Твёрдость не сделала его камнем,
не сделает человеком прочность.

Если бы только прочность
была главной характеристикой человека,
То психология и философия —
не важнее шумов плотницких цеховых.
Прочность — относительная вещь, ироничная.
Прочность для балки на лесопилке — плохо,
зубам белки — отлично.

Смотрю вокруг, а по улицам ходят не люди — а балки и белки.
Они называют себя людьми,
но это за недостатком смекалки и сметки.
А я вышел из дома и вдруг понял, что стал человеком.
Кому расскажи — не поверят. Рассказать-то некому.

Про кастрюлю

Как хорошо, что есть на свете кастрюля.
Кастрюли очень нежно люблю я.
В них можно варить еду, а еда — это жизненно важно.
Так что жизненно важна кастрюля каждая.

Я считаю, что надо создать общество защиты кастрюль
И сделать день кастрюль. Выбрать месяц — допустим, июль.
Выбрать дату — допустим, первое июля,
Потому что в амфитеатре жизнеобеспечения
занимают первые места кастрюли.

А Общество Защиты Кастрюль

будет искать выкинутые кастрюли на помойках.

Будет их учить:

в каком состоянии выкинуты, когда и сколько.

Для каждой кастрюли заведут свой идентификационный номер.

Производителей обяжут регистрировать

каждую кастрюлю в каждом доме —

Типа как фитнес часы, регистрировать кастрюли в приложении.

ОЗК будет наблюдать, каков у кастрюли пробег,

не потеряла ли цельность и скольжение,

Гладкость поверхности, не потеряла ли товарный вид.

А если кастрюля приходит в негодность,

к ней надо проявить чуточку любви —

Не просто выкинуть на помойку,

а сдать в Общество Защиты Кастрюль

Или промаршировать с кастрюлей на параде кастрюль,

когда наступит июль —

Уважить кусочек железки, который дарил нам пищу столько лет,

Кипятил бульоны, варил супы, лечил желудки,

насыщал смертных, дарил вдохновение и обед.

Кастрюля — это, на самом деле, двигатель прогресса.
Как иначе, чем не горячим супцом, поправить здоровье,
вдохновиться на новые трудовые подвиги, снять стресс?
Я думаю, что надо даже памятник поставить кастрюлям.
Я думаю, надо бороться с пренебрежением к ним,
свойственным людям.

Я думаю, что, конечно,
не избежать священной войны со сковородками.
Общество Защиты Кастрюль — я вам честно скажу —
место не для робких.
А эти сковородочники, я чувствую,
уже замышляют гнусные делишки.
Но ты вступай в Общество Защиты Кастрюль,
не ведись на лажу — будь личностью.

Про беспроводные наушники

Как хорошо, что есть беспроводные наушники.

Ужас — когда кругом эти провода душные
Обматываются вокруг пуговиц, замков и шеи,
В молнию куртки лезут, сковывают движение.

А движение — это жизнь, жизнь — это движение.
Когда энергия не выходит наружу, тогда внутри жжением
Она всё равно даст о себе знать — стоять на месте невозможно.
Так что проводные наушники для человека
как люк теплотрассы для кошки —

Вводит в оцепенение, в медленный транс, обездвиживает.
Для кошки — ещё может и ничего,
а человеку ведь надо не только выжить.
Точнее, выжить — для человека значит неизмеримо больше,
дело известное.

Выжить — это в том числе двигаться с насиженного места,

А иначе энергия сожжёт изнутри,
сколько бы не держался месяцы ли, дни ли.
Рано или поздно встанет вопрос: проводные или беспроводные?
И тогда, вдыхая декабрьский воздух в истоме и изнеможении,
Ты спросишь себя об одном: жжение или движение?

Про творог

Как хорошо, что на свете есть творог.
Творог каждому зожнику дорог.
Творог хорош для набора мышечной массы,
И для «сушки» тоже — продукт первого класса.

А ещё творог — просто огонь с фруктами и орехами!
Не полюбить такое блюдо грех!
Представьте, творожок в духовочке с бананом, и грушей,
И пригоршней грецких орехов —
так и хочется всю миску скушать.

Скушать всю мисочку — о расти, бицепс, расти!
Творог — символ красоты, силы и молодости.
Если было бы на свете государство за всеобщее молодое благо,
Тогда творог, и только творог —
следовало бы поместить на их флаге.

Творог бы следовало сделать их национальным символом.
Учить детей в школе
скишее молоко в творожок превращать силой —
Как наши бабушки — завернуть массу в марлю и отжимать —
сам потом скажешь «спасибо».
Вот тогда ты станешь здоровым, сильным, красивым.

Конечно, творог сейчас
результат автоматизированного производства.
Но это не значит, что нужно забывать про корни — скот вон
Пасётся на лугах, так и просится: «подой меня!»
Молодые тёлочки покачивают налитым выменем.

Хотя если присмотреться повнимательнее к нашей культуре,
То она разыгрывает как раз эту самую партитуру.
Все эти вещи в моде: и красота, и молодость, и сочное вымя —
Так что творог нужно сделать символом современности, вынуть

Всякие соцсети из головы и заменить их настоящим продуктом —
чтобы всё по-новому.

Отныне вся наша эпоха, по сути, — это эпоха творога.

Так что бегите скорее в магазин,

накупите пакетиков с этими белыми комочками,

Приобщитесь, станьте современниками,

сынами этого века и дочками.

И вот вы идёте из супермаркета,

и это подобно триумфальному шествию.

Слышите, чувствуете, как в вашей груди растекается тепло,

просыпается блаженство?!

А если над вами смеяться вдруг будет отсталая какая-нибудь свора,

Пожалейте их сырых —

в ваших руках молодость, в ваших руках творог.

Про часы

Как хорошо, что есть наручные часы.
Они почти так же важны как трусы.
Без часов чувствуешь себя голым —
В океане времени становится холодно.

В океане времени образуется вакуум.
Ты — как Моисей с горы Синай или пророк Аввакум —
«Кто я? Где я? Какой сейчас век?».
Но главное — осознавать главное — то, что ты человек.

Получается, часы именно своим отсутствием
Напоминают о самом главном: пусть проходят часы и сутки,
Пусть посмотришь на левую руку —
а там пусто, и давит чувство, что дел невпроворот —
Но время не делает тебя тем, кто ты есть — а, скорее, наоборот.

А вот смотришь на часы — и чувствуешь себя быком в загоне.
Загон состоит из циферблата, только цифры — и ничего кроме.
Кажется, что отметки делений —
ступеньки бесконечной лестницы.
Вступая на эту лестницу, ты вроде здесь,
но в то же время не здесь —

Не здесь и не сейчас, а там, где кончится очередной период.
Ты здесь как в отправной точке —
сознание твоё оторвалось и парит
В невесомости будущего, ищет, где бы приткнуться,
где бы на жёрдочку сесть —
Оно не сейчас и не здесь.

Оно здесь и сейчас только в том смысле,
в каком пловец на трамплине —
Ноги его на холодном пластике,
но разум штурмует изгибы разделительных линий.
Линии разделяют сознание,
он погрузился в будущее ещё задолго до прыжка.
Цифры разделяют будущее, время — порожистая река.

Каждый час — порог, день состоит из часов,
День замурован в часы как лес в крики сов,
День перестаёт существовать здесь и сейчас.
Главная ценность жизни — час.

Это какой-то искусственный конструкт как параллельные линии,
Как перпендикулярные углы — их вы когда-нибудь видели?
Вы когда-нибудь видели вещи,
    поделенные на идеально ровные части?
Как же день поделить на идеальные отметки длиною в час?

Когда часы на руках, ты Голиаф, без часов — Давид.
Голиаф слаб, хотя огромен. Давид силён,
    хотя непримечателен на вид.

Надевая часы, становишься будто Нео из «Матрицы» —
    вдруг ни с того, ни с сего
С тобой происходит времени волшебство.
И из человека, открывающего себя,
    собирающего вселенной пазлы,
Ты вдруг превращаешься в Ното опаздывающего —

Хомо Опаздываемус, Хомо Неуспевамус,
Хомо Невыносивший Мусор и Не Слушавший Маму —
И поэтому теперь Хомо Недисциплинируемый.
Секунды, минуты, часы образуют в воздухе невидимые линии.

Линии, которые как прутья забора загораживают пути.
Линии, которые будто указатели на дороге решают, куда тебе идти,
Решают за тебя. Светятся жёлтым взлётные полосы:
Взлетишь — когда стрелка пройдёт рубеж,
    сядешь — когда своё слово

Веское скажут твои часы,
Лишь тогда ты сойдёшь с прочерченной полосы.
В межполосном пространстве побыть бы немножко,
    послушать отголоски
Вселенной, пока тебя не подхватит новая временная полоска.

Я принадлежу вселенной, себе или на микросхеме города
этим невидимым полупроводникам —
Дети Кайроса в Хроноса крепких руках?
Линии времени — невидимый каркас в пространстве дня.
Кажется, этот каркас уже стал не просто частью — основой меня.

Так что тут мы подходим к главному вопросу:
Что, если даже без часов время в нас настолько вросшее —
Никуда не уйдёт, а останется микрочипом, имплантом,
Кристаллами микропроцессора на материнской плате?

Если долго не наблюдать время,
можно ли свести его эффект на нет?
Но как не наблюдать время — для того, кто никогда не был
Вне времени, кто живёт, ограниченный расписанием,
Кто выполняет чьи-то задачи или ставит себе их сам?

А можно ли вообще ставить задачи и выполнять их
без привязки к часам и фактам?
Как объяснить вам, что есть задачи, для которых время —
не главный производственный фактор.
Но как, с другой стороны,
согласовывать данные и находить точки соприкосновения,
если времени у согласующих нет:
Вот он — самый главный и неведомый секрет.

Но то, что это секрет, не значит, что нужно сдаваться:
Джордано Бруно если бы сдался или на Холмса забил Ватсон?..
Так что прежде, чем бросаться в пучину Хроноса, —
хочу предупредить я вас —
Иногда снимайте часы —
между временем и его отсутствием сохраняйте баланс.

Часы — это такая хитроумная штука.
Это в жизнь воплотилась наука.
А как раньше люди жили, не согласовывая время,
Когда, допустим, жили в племени?

Ну если они жили в одном племени,
То они просто имели друг друга ввиду — оленей
Добывали сообща, счёт вели днями,
Циклами живности, догоревшими кострами.

А те, кто не ходил на охоту, были всегда на виду:
Собирали плоды, строили хижины, растили детей тут же.
Но если вдруг двум племенам требовалось что-нибудь согласовать,
Вот тогда те древние люди — хватать,

А времени-то нет:
как согласовывать договорённости и торговлю вести?
Значит время придётся изобрести.

И вот тогда и началось, по ходу, время,
а с ним то неловкое чувство,
Что без времени ты будто раздетый, устно
Отвечающий на незнакомый предмет — наобум.
Такого, с одной стороны, вроде бы и не пожелаешь врагу,

А с другой стороны — в иное воскресенье как же прекрасно,
Когда никуда не надо с утра,
не смотрел ни в телефон, ни на часы — разве что
Меряешь время тяжестью белых от снега веток
Да ещё чувством голода и походами в туалет.

Так что часы — это, конечно, хорошее изобретение.
Но любой уважающий себя гений
Смотрит глубже, идёт дальше, не довольствуется малым,
Хочет попасть туда, где ещё не бывал он.

Так что надо, конечно, держать баланс.
Держать баланс часов — это, конечно, талант.
Так что я бы включил, конечно,
в курс общего и высшего образования
Науку о времени — вот чего не подозревали вы.

Науку о времени — да, самую настоящую.
Вот это действительно важная штука,
а не теорема Пифагора или Шрёдингера ящик,
Симпатическая, парасимпатическая системы —
наука времени первична:
Совладаешь со временем и все науки сам выучишь на отлично,

Будешь человеком с большой буквы «Ч»,
а не в колесе циферблатном кроликом.
Вот тогда всё поймёшь, сумеешь, научишься, все ключи и пароли
Получишь, будешь стоять посреди улицы колоссом
Независимо от лет и часов — замолодо взрослым

И завзросло молодым, заюна седым.
Потому что время уплотняется с одних точек зрения,
с других — оно дым.
Управление временем — просветления приют,
Вот чего детям в школе не преподают.

Так что вместо гор учебников и дневников, слезами пропитанных,
Вместо ворот Платоновых, временами разбитых,
Где певец высших идей преподавал геометрию — науку
О длительности — вот ведь ироничная получилась штука! —

Вместо этих сомнительных вещей,
на которых типа держится культура —
На рассуждениях Аристотеля, на алхимиков микстурах, —
Вместо всех этих монад, где левые полушария в океанах минут
как в масле сыр —
Встань перед зеркалом, посмотри, кем ты стал,
и простоними часы.

Про свежий снег

Как хорошо гулять по свежему снегу.
Это такая истома и нега.
Это не то, что сидеть дома:
Гулять по свежему снегу — это истома.

Закутался в куртку, надел тёплые башмаки,
В карманы свои положил обе своих руки,
Шапку надел, шарф замотал поплотнее,
Вышел на улицу, вдохнул — eeeee!

Eeeee! Вот это погодка — тишь, да гладь, да снег.
Вот это тебе сразу сотня тысяч нег.
Вот это тебе сразу пятьсот сороков истом.
Это тебе не то, что сидеть дома.

Снежок под ногами хрустит — хрум-хрум.
Идёшь по дорожке хрустящей, греешь в карманах руки,
Головой вертишь, смотришь,
как дымка небес сменяется синевой —
Хороший, спокойный денёк такой.

У тебя под курткой живёт тепло.
Ты его носишь с собой под мышкой, поправляешь локтем.
Ты его прячешь под курткой как драгоценную руду,
хрупкие цветы —
Тепло, которое с тобой тут, которое и есть ты.

Никто не увидит: если включить тепловизор,
То сквозь куртку вряд ли твоё тепло бросится вызовом
Наблюдателю. Окружающее пространство дремлет,
асфальт замело,
А ты знай себе носишь с собой это своё потайное тепло.

Тепло не для всех, просто так его не увидишь.
Тепло своё запеленан в куртку и, на улицу выйдя,
Носи его как тайну между молнией и складками синтепона —
Тепло, которое с тобой, которое и есть ты — вот оно.

Про маркетинг

Хочу сказать всего одну вещь,
которая, думаю, всем понятна и так:
Каждый человек — край непознанного,
в партитуре жизни — с синкопой такт.
Несмотря на то, что у нас голова, две руки, две ноги,
Всё таки интеллектуальная и духовная вариативность —
штука гибкая.

Например, один носит «Найк», а другой «Адидас»:
Вот она вариативность, собственной персоной, —
здравствуйте!
Несмотря на то, что у нас у всех голова, две руки, две ноги,
Один предпочитает «Макдак», а другой «Бургер Кинг».

А если бросить дальше и копнуть несколько глубже,
То получается, что все индивиды рассованы
каждый по своим лузам:
Маркетинг смотрит на всех нас как на целевые группы —
Группы тех, кто принесёт или не принесёт
в кармашек звонкий рублик.

Тренды смотрят на всех
как на последователей или не последователей.
Сайты и приложения — на пользователей и нет,
на оставивших и не оставивших сетевой след.
Сообщества делят людей на членов и не членов,
идеи — на сторонников и не сторонников.
Компании — на клиентов и не клиентов,
мода — на модников и не модников.

Получается дробление и фрагментация,
    распадение на частности — на кнопки и запонки.
А где есть такая область,
    чтобы можно было собраться воедино заново?
Фрагментироваться — фрагментируйтесь,
    но человек — это край непознанного.
Ладно. Оставляю вас наедине с вопросом,
    прыгаю в «найки» и побегу, а то уже поздно.

Про солнечный зимний день

Хороший-хороший зимний солнечный день!
Всё крыльцо замело снегом —
    так и хочется рухнуть в собственную тень!
Упасть в снег и лежать там как маленький,
    чувствуя первобытный восторг!
Наверное, с детским восторгом лежать в снегу
    будет хотеться даже в сто.

И солнышко такое — прям как в стихотворении Пушкина.
И кажется, будто день подкрадывается сзади с улыбкой
    и шепчет тебе на ушко,
Что вот он расцвёл от самого рассвета
Для одного тебя и попутно для всей планеты.

Так приятно слышать, что рассвет расцвёл для тебя
Из уст самого ласкового солнца, которое, карнизы золотом теребя,
Говорит это сейчас каждому жителю мира,
    а у тех у кого ночь, или город весь в тучах как закром —
Тому оно споёт свою песню завтра.

Про провода

Провода-провода висят над городом,
Затянутым холодом,
Несут в дом электричество
В неограниченном количестве.

Сколько надо электричества, столько и будет,
Круглыми сутками — в выходные и в будни,
Чтобы все электроприборы работали исправно,
Чтобы жилось нам славно.

Так что провода —
это очень важный элемент городского пейзажа.
Они там висят, рискуют собой ради нас заживо.
Ведь если снега навалило,
они обвисают, обливаются потом, тужатся.
Если ветер качает их, то болтаются неприкаянные снаружи.

Пока мы тут греемся гирляндами,
лампами, обогревателями и чаем,
Они там, бедняжки, одни висят, скучают.
А когда дождь ненасытный всё падает
будто весь мир прибить к земле хочет,
Тогда и они, провода, смиренно висят, роняют капли,
ждут когда всё это кончится.

Но даже когда кончается и потом выходит солнце,
Их обжигает июльский зной или птицы сидят на них сонно —
Когтями схватили будто ошейник за горло собаку,
Сидят там часами и,
уж простите за грубость, на бедные провода какают.

Не просто их как перевалочный пункт
используют со дня на день,
А попросту простодушно и бездумно на них гадят —

Думают, что мол провода не живые,
    что им сделается, они часть пейзажа,
А провода несут нам в дом жизнь —
    они наши добрые стражи —

Защищают нас от всех невзгод суровой погоды,
Обеспечивают у нас в доме
    все современные технологические разработки,
Чтобы все эти программные коды, попадая —
    будто семя в плодородную почву — в розетку,
Могли расцвести фейерверком функций, разнообразия цветом,

Раскрывались цветами в руках бинарного Протея,
Чтобы зрели сады трудов и неслись голоса интертейментов.
Так что, когда в следующий раз будете выходить на улицу,
Остановитесь, посмотрите на провода —
    ваших посланников мира, — и пусть сердце ими любуется.

Про очереди

Как хорошо, что на свете есть очереди.
Поначалу стоять в них — не очень:
Забуть про инициативу, стать частью целого —
Мышца, которая отвечает за индивидуальность и волю,
пусть постоит прицепом.

Но эта мышца личной инициативы ведь тоже должна отдыхать.
И время из бездарно уходящего
превращается в роскошное опахало.
Каждая минута — это пёрышко пёстрого опахала
В ярком хвосте павлина-дня — чтобы она как алмаз засверкала.

Каждая минута в очереди — будто не огранённый алмаз.
Она вытаскивает суету и усталость по крупнице из каждого из нас.
Каждая минута в очереди —
будто провозглашает: «Хватит пахать!»
Ведь нужно же человеку по-настоящему отдыхать.»

Вы думаете, вы отдыхаете в Египте или в Турции?
Нет — там всё равно надо принимать решения,
волноваться, тужиться —
Где вкуснее поесть, где красивее закат,
успеем ли к нужному времени в нужное место добраться.
И только в очереди настоящая перезагрузка —
вообще не нужно стараться.

Мечтай, уносишь мыслями в неведомое и далёкое.
Время уходит, но что есть время в сравнении с рокотом
Вселенского океана,
всеобщего ожидания коллективного таинства?
Слушай, как оглашают номера талончиков —
с этим нетрудно справиться.

Что есть время в сравнении с рокотом моего дыхания-прибоя?

Мне никуда не надо — я пребываю, в очереди сидя или стоя.

Это будто бы рока касание, голос судьбы —

мол что ж тут поделать, —

И в этот момент человек расслабляется, отдыхает душой и телом.

Великий океан трансперсонального опыта —

В нём растворяется вопрос —

не только «Где ты?», но и «Кто ты?»

А точнее, увидев себя по ту сторону бельчьего бега,

Ты приходишь в себя, ты становишься человеком.

И пусть истекают желчью те, кто очереди хаю, —

Мне в очередях нравится! Я в очередях отдыхаю!

Про вечер

Вот представь, что наступает вечер —
Ты перестаёшь быть производственным средством,
просыпается человечье —
То ли с рыком волчьим, то ли робкое, овечье —
Ты перестаёшь быть машиной для счёта часов,
просыпается вечное.

Но вечер — это тоже временной промежуток.
Как запихнуть в него вечное —
как будто обильный обед в желудок?
Будто в безвоздушном пространстве зажгли свечку —
Куда девать всё это человечье?

Разве приятно смотреть,
как часы отбивают всё более поздний час?
Разве приятно понимать, что ночь окутывает нас —
Но очень-очень скоро, по мановению палочки ртутной,
День наступит снова — тут как тут он?

И что он принесёт с собой, когда наступит?
Время толочь и толочь в ступе,
Пытаться успеть, ожидать предвечерний час —
Но когда он наступит, куда позовёт он нас?

Разве приятно смотреть, как горизонт крышеликий темнеет?
Приятно оставить дела и пару ночных часов скорее
Потратить на то самое, что за гранью, за всей суеты чертой —
Потратить вечернюю вечность
на что?

Про то, как писать стихи: расширение

Как писать стихи?
На компьютере или от руки?
Какое сообщение доносит стих?
Для тебя или для других?

Если для тебя, то тогда зачем писать?
Ведь можно себе всё вслух сказать.
Или даже не говорить вслух,
А просто продумать или издать многозначительный звук.

А если писать стихи для других —
То есть не для себя — то насколько сил твоих
Хватит делать работу, не получая удовольствия?
В общем, это разговор скользкий.

Так что пишешь, наверное, для себя и для других.
Вот ты приходишь и говоришь — смотрите стих.
Приходишь и говоришь — в том числе себе.
Значит, получается, когда стих — то ты как будто вне,

Внешний наблюдатель —
смотришь со стороны на себя и на них.
Сам себе презентуешь стих.
Получается, в этом и трудность стихов создания —
Когда создаёшь стих, ты вне самого себя, своего сознания.

Точнее, ты в сознании своём и всё же вне себя.
Это расширение поля видения.
Вот оно что — стих требует расширения.
Можно ли расширение тренировать?

Про то, как писать стихи: отстаивание

Как писать стихи: на публике или в тайне?
Когда пишу, я соглашаюсь или отстаиваю?
Соглашаюсь отстаивать.

Соглашаюсь и отстаиваю одновременно.
Соглашаюсь с тем, что отстаиваю — в одно мгновение.

Казалось бы, у исполинов предков были проблемы.
А сейчас какие проблемы у смартфонного поколения?
А раз нет проблем — то и себя от чего отстаивать?
Казалось бы, искусство должно уйти в век каменный.

То есть, я сейчас подспудно сказал,
что искусство — это отстаивание.
Верно, никому не говорите — пусть это будет наша тайна.
Я думаю, сейчас главные шипы на этой прекрасной розе:
Потребление и неврозы.

А точнее, отождествление себя с потребителем и невротиком.
Вот на этом историческом повороте,
Я думаю, и зарыта собака музыки, живописи, поэзии, прозы —
Осознать себя Хомо Сапиенс,
отделить от Хомо Консюмерис и Хомо Неврозис.

Невроз — это, вроде как, новая норма, а потребление —
вроде новой идеологии —
Вот два строя, с которыми люди шагают в ногу.
И смешно, что во всё этом главный саспенс —
Отстаивать себя,
возвращаться к старому доброму Хомо Сапиенсу.

Точнее, Хомо Сапиенс, конечно, старый, но уже не добрый —
Слишком многое переработано в нас, но тем паче новые роды
Нашей обновлённой человечности

в лоне искусства пройдут успешно.

Вы поймите, я не против рекламы или дедлайнов —
не за конных, и не за пеших —

Я за конгруэнтность и извечную самость.

Искусство посадит тебя в свои сани

И повезёт тебя к истокам себя через творчество,

А дальше — куда захочется.

Про фунчозу

Как хорошо, что есть фунчоза.
Вы спросите: «Чё за...?»
Вам тему изучить хорошо бы:
Это единственные макароны, от которых не растут жопы.

Ведь какая есть проблема у зожного населения?
Правильно — это проблема общественного кормления.
Потому что вот так вот захочешь поесть в городе,
А повсюду бургеры, макароны, булки, картошка — годной

Еды мало — днём с огнём не сыщешь!
А что это, позвольте, за моцион, если ты не насыщен?!
Что это за уикенд, если ты как дохлая курица
И для тебя сплошная пытка улица?!

Что это за уикенд? Как песня испорченная помехами радио!
Когда в голове только одна мысль — чего бы сожрать!
Так что фунчоза — это символ свободы и человечности!
Ну ладно, не только фунчоза — ещё рис и гречка.

Так что дух равенства, и уважения, и гуманизма
Подлинно соблюдают те кафе, где фунчоза с рисом
Или гречка есть в меню — и при том не в три дóрога.
Они знают, что путь зожника крут и долог.

Они знают, какие это муки зожные,
Когда кругом только картошка, бургеры и пирожные.
Поэтому с уверенностью скажу вам я:
Такие заведения — среди риффов фастфуда маяк.

Но есть ещё одно удивительное свойство фунчозы:
До готовки она как сердце красавицы чёрства,
Но потом зальешь кипятком на пять минут —
И полезный ужин тут.

Даже быстрее гречки и риса!
Так что эта песнь про фунчозу — не из экзотического каприза,
А реально по делу — подтвердит любой рефери.
Так что фунчоза — символ экономии времени.

Символ того, что варганить и насыщать тело —
Это ещё не всё. Человечество не зря потело,
Изобретало технологии — чтобы мы теперь переняли эстафету
И не тратили себя на булку с котлетой,

А изобретали дальше, смотрели вглубь и ввысь,
Чтобы не вокруг картошки,
а вокруг высокого вилаась наша мысль,
И в момент, когда мы готовы оторваться мыслью от земли,
Наши огромные жопы не тянули нас вниз — чтобы мы смогли!

Смогли увидеть звёзды,
смогли заглянуть за мироздания дверцу!
И принести оттуда новый ласковый цвет,
хрустальные цветы преодоленной инерции!
Зожники — поколение будущего, вы спросите: «Чё за...?»
Но даже символом покорения космоса я бы выбрал фунчозу.

Через тернии к звёздам, через пять минут кипячения —
к освобождению мысли.
На обшивке каждого космического корабля
пусть лого фунчозы выскребут,
И после картинки была надпись чтобы:
«Фунчоза — символ свободы! От фунчозы не растут жопы!»

Про фастфуд

Как хорошо, что есть фастфуд.

Фастфуд — это реально гут.

Но при правильном понимании слова «фаст» —

Не то, что «вредный», а то, что факт —

Извините заранее, если скажу жечь —

Но мы тут просто путешест-

Венники — прожил и скомкал,

съел, губы вытер салфеткой, скомкал, выкинул.

Фастфуд — это свобода, лодка викинга:

Не тратить время на мытьё посуды, на приготовление обеда,

А тратить его на новое, неизведанное.

Не зависать, не задерживаться на второстепенном, жить споро —

Того и гляди, жизнь пройдёт скоро.

Если жечь говорю, вы уж меня извините —

Скажете, фастфуд — это для лентяев и нытиков.

Может быть, вы и правы — это сцены одной картины.

И всё же фастфуд —

это симфония быстротечности и необратимости.

Сколько поэзии содержится даже в прямоугольничке бутерброда!

Поэтому, покупая фастфуд, мы на самом деле покупаем свободу.

Вот оно — будущее, время для новых викингов:

Съел, губы вытер, упаковку скомкал, выкинул.

Про домашних животных

Как хорошо, что есть домашние животные.

Они — приговор дарвинистам и физикам — кукиш вот вам!

Ну правда — о каком законе сохранения может идти речь,

Когда есть эта меховая штука:

покушать, покакать, поиграться, лечь?

Например, слепой пёс —

инструмент для переработки мяса в кашки.

Род не продолжит — кастрирован, скачет туда-сюда, и кажется,

Будто весь день полон дел и он чем-то важным занят...

Короче — абсолютно белое пятно

на карте функциональности мироздания.

И раз есть на свете этот абсолютно беспомощный кусок шерсти,

Значит, физики нет — в пору устроить антинаучное шествие.

И значит, мир — воистину сказка и тайна,

каждый день планета — как новая.

За доказательство отсутствия физики —

в пору бы дать премию Нобелевскую.

Ну ладно, — скажете вы — автор, давайте поспорим.

Во-первых, кашки превращаются в гумус, и на них вскоре

Вырастут сады, грады нового мира потянутся к небесам.

А во-вторых, влияние пса

на экосистему нежности и милоты вы ведь чувствуете сам.

А милота и нежность — это ведь тоже механизм эволюции.

Не будь милоты и нежности — разве были бы людьми люди?

Так что кастрированный пёс —

будто серый кардинал, тайный узел Пандоры —

вокруг него вращаются все планеты,

И без него ни жизни, ни эволюции нету.

А что до Нобелевской премии за отсутствие физики —
то её нужно дать по другой причине.

Раз мироздание вращается не вокруг теории струн,
а вокруг пса чиканого,

То службы защиты животных —
поважнее научно-исследовательских институтов.

Сменить фокус с науки на любовь к питомцам —
вот это был бы поступок!

И тогда бы мы все зажили по-новому!

И тогда за достижения в области милоты и нежности
давали бы премии Нобелевские.

Не физика и смартфоны —

а псы и коты сделают счастливым каждого!

Так что вряд ли на свете есть что-то важнее собачьих какашек.

Про дерево

Вы мне не поверите — я молодею.
День — палиндром: слева — направо, направо — слева.
Вам покажется странным — я дерево,
Когда-нибудь вырасту, дотянусь до неба.

Вам придётся признать — совершенно не ясно,
Где земля, а где небо.
То ли выйти на взлётную полосу — покидать ясли,
То ли вглубь, к рудникам снаряжать вагонетки.

Вам придётся признать — совершенно не ясно,
Где верёвки корней, а где мякоть крон —
И брошенный в море якорь
Вдруг взлетает наверх пером.

С течением времени я молодею,
И пусть есть предел прочности ДНК —
Какая разница — ведь я дерево,
Захочу — нырну в грунт, захочу — в облака.

В шумной кроне поселятся люди и птицы,
И корни мои спеленают весь мир.
И где между ними граница —
Попробуй пойми.

Содержание

Злость спасает человека

Бульдозер	4
«Я бы месяц поджёг...»	6
«Каждый день мой пусть будет последним...»	7
«Ты уходишь в открытое море...»	8
«Танцевать под светилом кирпичным...»	10
«Злость спасает человека...»	12
«Подняв глаза над монитором...»	14
«Я пришёл из далёких миров...»	15
«Ты же знал, всё вернув на круги своя...»	16
Спасатели.....	17
Джек Лондон	19
Монолог сетевого поэта	22
«Я состою из людей...»	24
Чингисхан	27
Сойка, голубь, грач.....	30
Так странно.....	34
О любви.....	35
Атлант.....	36
«Вячеслав Афанасьевич умер...»	39
В пробке	40
Рига в снегу.....	42
«Аня, найди мне бабу...»	44
«Я шагаю down the street...»	46
«Мы поладили, да — но я знаю...»	47
Приди за мной с зонтом	48
«Пятнадцать минут до работы...»	50
«В баре жарко как в котельной...»	52
«Мне приснилось: в храме пусто...»	53
«Чёрт!..»	54
«Вспомнить немислимо, сколько...»	56
Медитация	57

Голиаф и Большая Медведица

Голиаф и Большая Медведица	60
Дофамин.....	63
Паника	66
В альфа-состе	68
Нервы-пропеллеры	70
Милосердие и закон сохранения	74
Давид	77

Павел	78
В этом тексте нет мыслей	79
Невесомость	82

Как Хорошо

Про фрилансеров	86
Про поездку влюблённой пары на море	87
Про солнечный августовский день	90
Про придумывание слов	92
Про социальные сети	94
Про вечер	97
Про дорожный знак	99
Про мусорную машину	101
Про дождь и осень	103
Про телевизионную башню	105
Про внутренние поезда	107
Про время и любовь	109
Про обогреватель	111
Про отключение горячей воды	113
Про такси	115
Про часы	117
Про спортивную площадку	119
Про прорыв	121
Про искусство	123
Про стиральную машину	124
Про текст просто так	126
Про русский язык	127
Про единицу	129
Про кастрюлю	131
Про беспроводные наушники	133
Про творог	134
Про часы	136
Про свежий снег	141
Про маркетинг	142
Про солнечный зимний день	144
Про провода	145
Про очереди	147
Про вечер	149
Про то, как писать стихи: расширение	150
Про то, как писать стихи: отстаивание	151
Про фунчозу	153
Про фастфуд	155
Про домашних животных	156
Про дерево	158